

*Бойся шторма в океане —
и в сердце влюбленной женщины!*

Дети капитана Гранина

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина
Дети капитана Гранина.
Нерпа моя глупая (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19851508

Дети капитана Гранина. Нерпа моя глупая (сборник): Э; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-89169-6

Аннотация

Кто бы мог подумать, что сердце прекрасной и весьма здравомыслящей поэтессы Зои Абрикосовой покорит не артист, не великий писатель, а некий капитан Гранин, у которого всю жизнь отбирала деньги жена, не оставляя даже на карманные расходы – так она боялась его измены! И вот отважный капитан упал Зое в руки... А вместе с ним – капитанские дети, их проблемы, а также жена, с удовольствием повесившая на нее решение этих проблем. Что же это за любовь такая? Подруги и знакомые Абрикосовой терялись в догадках...

Содержание

Дети капитана Гранина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Миронина

Дети капитана Гранина.

Нерпа моя глупая (сборник)

© Миронина Н., 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Дети капитана Гранина

*Пошли мне Бог берег, чтобы оттолкнуться,
мель, чтобы сняться, шквал, чтобы устоять.*

Молитва моряка

...В правилах любви и в правилах судоходства есть нечто общее. И те и другие включают в себя множество подпунктов, обычно прописанных мелким шрифтом, которые ленился читать глаз и которые все же имеет смысл вызубрить и впоследствии соблюдать. В противном случае, решив переспать с женщиной (равно как решив преодолеть простор океана), вы рискуете испытать удар стихии ураганной силы. И только особы, наделенные исключительной силой духа, смогут выйти победителями в этой схватке.

Все ее любовники были людьми солидными, обстоятельными и вполне приличными. Все они любили ее, заботились о ней и даже иногда, случалось, звали замуж. Но она почему-то не спешила, словно понимала, что обычное женское счастье, построенное по привычным схемам, не ее удел.

В ответ на предложение руки и сердца она благодарила смельчака, окружала его еще большей лаской и при этом произносила твердое «нет». Ее отказ был так мягок и так комплиментарен, что отвергнутый жених сохранял к ней по-

жизненную благодарность и искреннюю деятельную преданность.

– Чего ты ждешь?! – вопрошали подруги.

– Черт его знает, – уклончиво отвечала она.

Она действительно не знала, она просто чувствовала, как, выражаясь словами писателя, чувствуют «животные своим сильным и породистым телом движение джунглей». Именно так она, особа вполне романтическая, оценивала свою осторожность в брачных вопросах.

Зоя Абrikосова была всегда склонна к медицине. Уколы куклам, медведям, перебинтованные котята и хомяки – все детство она неутомимо лечила, помогала, сочувствовала. Слово «ветеринар» в те далекие годы ей давалось с трудом, а потому на вопросы о будущей профессии маленькая рыжая девочка отвечала, что станет врачом. Правда, в школьные годы по химии Зоя имела тройку, а потому после десятого класса поступила не в институт, а в медучилище. И именно там, на последнем году обучения, Зоя неожиданно написала стихи о медработниках и прочитала на одном из театрализованных представлений, которые к праздникам устраивало училище.

Стихи неожиданно для автора напечатали в профессиональном журнале, и Зоя решила, что ее будущее – поэзия. Близкие люди, имеющие представление о творчестве, пробовали предупредить ее: дескать, хлеб поэта тяжел, труд же ад-

ский, непременно нужен талант. А слава... Слава мимолетна. Но из этих разговоров ничего не выходило – Зоя смотрела на всех огромными зелеными глазами и, поправляя рыжий локон, нараспев повторяла:

– Мне кажется, что это мое призвание. Я прямо чувствую в груди поэзию.

Беседующие переводили взгляд на пышную грудь Зои и только обреченно вздыхали.

К тридцати годам Зоя стала очень красивой женщиной, неплохой медсестрой и... отвратительной поэтессой. Ситуация осложнялась тем, что она предпочитала писать стихи о Прекрасной Даме и ее многочисленных рыцарях. Дорогу в большую литературу поэтессе Зое Абрикосовой проложил критик Зубов, который влюбился в нее, когда она, молоденькая медсестра, приходила к нему на дом делать уколы от люмбаго. Зубов имел огромное влияние в Союзе писателей, бесчисленное множество друзей в издательском бизнесе и многочисленных культурных фондах, а потому тоненькие, изданные в неизменно утонченно-пастельных тонах книжицы Зоя стала выпекать как блины. Связываться с Зубовым никто не хотел, а потому все отделы поэзии книжных магазинов были завалены этой перламутровой поэзией.

Книжки не раскупались, менее везучие поэты и поэтессы злобно шептались и открыто посмеивались – или просто косили взглядом, если Зоя оказывалась поблизости, а особо рьяные остроловы утверждали, что иметь на даче пару

упаковок сборников Абрикосовой – прямо-таки жизненная необходимость.

– Я в мангал сначала Абрикосову кладу, а потом уже уголь. Там бумага отличная, никакого розжига не надо, – примерно так упражнялись они в остроумии, подхватив шутку одного из них.

Зоя прекрасно знала все это, но ее красота, а другими словами, уверенность в себе позволяли быть великодушной к недоброжелателям и завистникам. Зою не оставляла уверенность, что стихи у нее прекрасные, а все сплетни идут от женщин, которые завидуют ее рыжим кудрям, белоснежной коже и тонкой талии.

В экономику своего творчества она предпочитала не вникать. Зоя как-то так удачно устроилась в жизни, что, несмотря на мизерную зарплату медработника, всегда была при деньгах, длинных шубах и изумрудных сережках. Критик Зубов, по причине годов, от своей протезе не требовал верности, но по-прежнему оказывал покровительство. Ему льстил образ мецената и благодетеля. Зоя была человеком благодарным – в ее уютной, дорого обставленной квартире Зубова всегда ждали искреннее сочувствие, внимательный взгляд, ласковое слово и рюмка дорогого коньяка.

Оказалось, что практичная Зоя была неисправимым романтиком-идеалистом. Рыцари без страха и упрека, дамы, нежные, страдающие и влюбленные, – все эти персонажи были ей близки, и сама она порой чувствовала себя героиней

СВОИХ ПОЭМ.

– Какое лицо! Какая фигура! Ей бы в кринолинах ходить, веер в руках держать и в обмороки падать, – знакомые восхищались Зоей, а потом тихо добавляли: – Но, по-моему, глупа...

Зоя Абрикосова не была глупа. Она просто хотела рыцарства во всех смыслах этого слова. И пыталась найти проявления рыцарских качеств в любом мужчине, который встречался на ее пути.

Однако это в стихах все было благопристойно и возвышенно, в жизни все оказалось намного грубее. Так, однажды у Зои Абрикосовой появилась тайна. Не какая-нибудь пустяковая вроде принятого дорогого подарка от почти незнакомого назойливого мужчины и не государственная, о которой молчат с гордостью. Тайна была болезненная, неловкая и типично женская. Зоя Абрикосова сделала аборт.

В дорогой клинике, куда она приехала с небольшой дорожной сумочкой, ее встретил врач. Это был не старый медлительный доктор, выдавший на своем веку много всего такого, а потому снисходительно-добрый, и не строгая тетка с грубым голосом, резкими манерами и трепетная в душе, поскольку делала аборт, будучи старой девой, и всегда желала иметь ребенка. Зою Абрикосову, начитавшуюся всякой мелодраматической литературы и готовившуюся увидеть уже знакомых персонажей, встретила молодая кра-

сивая девица с огромными золотыми украшениями, в кокетливом белом халатике и с той миной, которая дала основание кому-то написать: «Они лечат людей с таким лицом, словно чистят рыбу». Девица окинула Зою равнодушным взглядом и промолвила:

– Коммерческая?

– В смысле? – не поняла Зоя.

– Платная пациентка?

– Да, – кивнула Зоя.

– Кто за вас платит?

Зоя моментально покраснела, вплоть до ложбинки в глубоком декольте. За себя она платила сама – и это обстоятельство делало ситуацию, по ее мнению, еще более неприличной. Выходило, что, наигравшись, ее бросили, как какую-нибудь беспородную собачонку.

– Видите ли, отец ребенка, отец возможного ребенка, он сейчас в отъезде, у нас временные проблемы, одним словом... Мы вынуждены пойти на этот шаг, а потому я пока... Пока он...

– За вас платит страховая компания? Или вы – физическое лицо? – Девица не проявила никакого интереса к сложностям Зои и отца предполагаемого ребенка.

– О господи! Вы об этом... – теперь уже побледнев, ахнула Зоя и пробормотала: – А я тут... Я физическое лицо, физическое лицо...

– Поднимайтесь на второй этаж, – несколько раз шелкнув

по клавишам, бесстрастно проговорила врач, – оформляйтесь, потом спускайтесь ко мне. Процедура назначена на тринадцать часов. Вещи взяли?

– Да, – кивнула Зоя, ощущая непреодолимое желание расплакаться.

– Тогда жду вас.

В тринадцать часов Зоя дала себе слово никогда больше не встречаться с мужчинами. В четырнадцать часов она, согретая теплым одеялом и успокоенная тишиной отдельной палаты, облегченно плакала в подушку. Слезы носили явно гормональный характер – потому что Зоя и сама не понимала, о чем плакала, а уж объяснить это кому-то... Плакала обо всем понемногу, а наплакавшись, заснула. И разбудила ее няня, о которых Зоя читала в добрых книжках.

– Красавица, давай-ка я тебе супчика принесу, – негромко проговорила пожилая сухонькая женщина, склонившись к Зоиному лицу и ласково похлопав ее по плечу. – Во-первых, положено – ты деньги платила. Во-вторых, тело твое ничего еще не поняло. Оно есть запросит, а тебе скоро уезжать надо. Не дай бог, что в дороге случится.

Выспавшаяся Зоя совершенно не планировала есть, ей хотелось быстрее оказаться дома. С рыданиями поблагодарив няню, Зоя поднялась с кровати и быстро собрала вещи.

Через полтора часа, усевшись в машину, она машинально взглянула на себя в зеркало. Никакой бледности, ничего такого, что напоминало бы о мучительной процедуре, о пред-

шествующих ей днях безумного обжорства и тошноты, о следах в подушку, о сценах с заверениями, убеждениями, о ссорах со злосчастным отцом теперь уже неактуального ребенка. В зеркале была та же самая Зоя, какой она была и два месяца назад, и полгода, и год. Зоя тряхнула рыжими локонами и включила зажигание. Покинув больничную стоянку, она довольно лихо проехала перекресток и съехала на набережную. Узкая Яуза уже покрылась желтой пудрой весенних тополей, вдоль бордюров метались липучие почки, а сама набережная была забита стоящими в гигантской пробке машинами. Зоя сделала несколько бессмысленных маневров, схлопотала от мужчин-соседей пару раздраженных автосигналов и сдалась. Она поняла, что проехаться с ветерком, чтобы выдуло из головы и души происшедшее сегодня и все то, что ее мучило последний год, не получится. Оставалось набраться терпения и, чем-то заняв голову, покорно следовать в этой веренице. Зоя включила музыку и стала вспоминать.

...Артур был настолько хорош собой, что многие женщины даже не решались в него влюбляться. Эти многочисленные дамы разных возрастов окружали Артура плотной стайкой, как окружают морского гиганта мелкие рыбешки. Только если в морской пучине все определялось желанием перехватить кусочек, недоеденный господином, то здесь дело было во внимании, которое Артур распределял, исходя из своего настроения.

Зоя Абрикосова в орбиту начинающего, но уже очень известного актера не попала. Во-первых, на момент их знакомства Зоя находилась, как она выражалась, «в связи». Во-вторых, Зоя была очень правильной. Она справедливо рассудила, что от мужчины, который, как петух в курятнике, позволяет себе командовать, покрикивать и капризничать, ничего хорошего ждать нельзя. Нужно пояснить, что Зоя в первую очередь ценила в мужчинах душевность. Артуру же, озабоченному актерской карьерой, свалившейся славой, поклонницами и фанатками, было не до души.

Когда однажды приятель Зои, театральный обозреватель, привел ее на премьеру, она еле-еле досидела до первого антракта. По ее мнению, премьер играл отвратно, к тому же «тянул одеяло на себя», не давая коллегам раскрыть образы своих героев.

– Это просто – «пшик»! – наклонилась Зоя к своему спутнику. – Так даже на детских утренниках не играют!

– Согласен, – просто ответил обозреватель, – но успех будет иметь бешеный. Сейчас спрос на таких красавцев.

Зоя раздраженно пожала плечами – ей было жаль потраченного времени, хотелось вернуться домой и довести до конца генеральную уборку. Зоя была женщиной хозяйственной и аккуратной.

– В антракте зайдём к нему, хочу об интервью договориться, – прошептал приятель. – Надо успеть первым. Через полгода к нему не подступишься, помани мое слово.

– Как знаешь, – махнула рукой Зоя, – но я так не думаю. Истерик самый настоящий!

– Это манера такая. В жизни он удивительно легкий и радостный человек.

– Ну сходим, сходим. Только ненадолго.

В антракте Зоя, к своему удивлению, очень быстро поменяла свое мнение – в отсутствие поклонниц и зрителей актер был спокоен и приятен.

– Вы меня удивляете, – искренне сказала Зоя, – я вас вижу не впервые, но каждый раз это совершенно другой человек. Свита вас делает крайне неприятным, искусство резким, а общение тет-а-тет – очень обаятельным. Кто вы, мистер ИКС, на самом деле?

Актер улыбнулся – и сердце Зои рухнуло в область селезенки. «Его красота – это не красота. Это воплощение мужественного совершенства!» – подумала Зоя. Она все-таки была еще и поэтессой и распознала в облике актера что-то от рыцаря Круглого стола. Хотя, скорее всего, дело было в богатом и романтическом воображении Зои.

Театралкой Зоя не стала, но бывать там, где иногда бывал Артур, ей оказалось интересно. Она издалека наблюдала за теми страстями, которые разыгрывались вокруг, и понимала, что молодой актер – талантливый манипулятор. «Я никогда бы не позволила себе ввязаться в подобные игры!» – думала Зоя усмехаясь и наблюдала за поклонницами, которые находились между собой в состоянии постоянной вой-

ны. Актер взирал на это с капризным величием, и только когда рядом оказывались близкие друзья, он превращался в милого воспитанного человека.

– Вы – поэтесса? – спросил он как-то Зою.

– Да, – ответила та и почему-то не стала уточнять, что основным местом ее работы является поликлиника.

– Это удивительно, – искренне признался Артур, – но я даже не могу себе представить, как это можно – сочинять стихи! И, кстати, музыку. Я могу воспроизвести чьи-то переживания, но не в состоянии выразить свои.

– И при этом вы умеете предстать в совсем другом облике, – тоже искренне похвалила его Зоя.

– Ах, ну что вы! Это всего лишь актерство! – сокрушенно воскликнул Артур. – Ваше ремесло более возвышенное. Вы – художники, творцы. В то время как мы, актеры, всего лишь копиисты, хотя порой очень талантливые.

Зоя задумалась. Она не была утонченной интеллектуалкой, но житейская мудрость и годы общения с литераторами давно позволили ей сделать вывод, что талант – это вопрос количества усилий, а творчество, как заметил классик, это когда «не добиваешься, а ждешь». Ждешь вдохновения, полета души. Отношение мужчин к стихам Зои заставило ее сделать еще один вывод – успехи в творчестве определенным образом вознаграждают женщину за неравное положение в обществе, за скрытую дискриминацию.

Она не могла согласиться с Артуром, что актеры всего

лишь копиисты, но комплимент в адрес поэтов ей был приятен. Тем более что актер пустил в ход свое самое грозное оружие – он пристально смотрел на Зою пронзительными черными глазами. «Нет, никакой он не рыцарь Круглого стола! В роду у него цыгане, это точно! В крови у него вольница полей, непостоянство ветра и горячность породистых скакунов!» Душевный романтизм заставил Зою прибегнуть к цветистым сравнениям. Впрочем, она тут же подумала: «Но я не попаду под эти чары!» – и, безо всякой связи, неожиданно для себя произнесла:

– Приезжайте ко мне, я вам кое-что покажу!

Зоя сама понятия не имела, что она покажет Артуру, но фраза вырвалась из души.

По дороге домой она себя кляла – пригласить почти незнакомого человека, да еще пообещать что-то показать! Что она ему покажет? И почему у нее не держится язык за зубами! Кстати, он моложе лет на десять! Ну, если не на десять, то на пять – это точно! Зоя заглянула в зеркальце заднего обзора – ее возраст на ее лице, конечно, не отражался, но все же...

Гость пожаловал неожиданно – зазвонил мобильный телефон. Зоя произнесла «алло» и услышала в ответ:

– Зоя, вы не возражаете, если я заеду к вам сегодня вечером?

Зоя возражала, поскольку у нее были другие планы.

– Я могу приехать позже, когда вы освободитесь...

Зоя растерялась – Артур настаивал, а это свидетельствовало о двух вещах. Первое – она ему понравилась, второе – что-то случилось и ему нужна помощь.

– Что-то случилось... – какого бы высокого мнения Зоя о себе ни была, но смешно выглядеть в глазах мужчины не хотелось.

– И да, и нет... – интриговал Артур.

– Приезжайте, – решительно произнесла Зоя и на всякий случай пошла мыть свои роскошные рыжие волосы.

В этот вечер все представления поэтессы Абрикосовой о мужчинах были перевернуты с ног на голову. Оказалось, что не менее привлекательной, чем сила и мужественность, могут быть слабость, растерянность и даже беззащитность. Зое совершенно неожиданно пришлось выслушать захватывающий рассказ о театральных интригах и завистниках.

– Я вас не пойму, – Зоя с забранными наверх локонами сидела в своем любимом бархатном кресле и чувствовала себя героиней романов Бальзака, – вы так успешны, так блистательны на сцене. Да и в жизни... Может, вам недостает опыта. – Зоя запнулась, помолчала, а потом со значением произнесла: – Но на вашей стороне темперамент, молодость!

– Да, вы правы, – отвечал Артур, который, в свою очередь, играл что-то из Стендаля, – но я, видимо, не умею хитрить. Я простодушен, невнимателен к интригам, слишком доверчив.

Услышав это, Зоя не могла не улыбнуться – молодой кра-

савец притворялся ягненком, но верилось в это с трудом.

Впрочем, еще через два часа Зоя уже так не считала. Она впечатлилась тем рассказом, который услышала, – обеспеченное детство и внезапный приступ неподчинения родительской воле, театральное училище, труппа одного известного московского театра. Из повествования следовало, что непослушание – это случайность, а всем своим успехам молодой человек обязан внешности, в то время как ему бы хотелось, чтобы в первую очередь обращали внимание на его способности.

– Это крайне тяжело – слишком вы красивы. – Зоя произнесла эту фразу просто, как произносят ее мамы, бабушки или дальние родственницы, а не женщины, очарованные мужчиной.

– Быть может, мне об этом много раз говорили... – вздохнул Артур. Впрочем, без страдания.

Разговор в эту их первую встречу был долгим, с неизбежными воспоминаниями, и только когда поздно вечером Артур уехал, Зоя спохватилась и обнаружила, что ничего такого сверхординарного они не обсуждали, по сути, у гостя ничего не произошло, и визит его был вызван, наверное, совсем другими обстоятельствами. Какими – Зоя старалась не думать, слишком она была очарована черными глазами.

В этот период у Зои был состоятельный поклонник, который делал все, чтобы Зоя чувствовала себя маленькой капризной девочкой. Ее творчество он воспринимал так,

как родители воспринимают художества своего младенца.

– Как славненько! – произносил Зоин любовник, после того как она зачитывала новое стихотворение. – Умничка моя! А еще и укольчики делает отлично, и капельницы ставит, и еще, наверное, зверюшек умеет лечить...

Поначалу Зою это умиляло. «Действительно, я и стихи пишу, и профессию серьезную освоила!» – с гордостью думала про себя она. Но потом все это стало ее раздражать. Неуместный сюсюкающий тон, нарочитое восхищение и обязательные смешки ее, автора большого числа поэтических сборников, очень обижали и возмущали.

– Ты легкомысленно относишься к тому, что я делаю. Не важно, идет ли речь о стихах или об инъекциях витамина В₂, – однажды не выдержала Зоя.

– Ну, будет тебе губки дуть! – тут же начал подлизываться любовник. – Я ничего не понимаю в стихах, это во-первых! Во-вторых, Зоенька, я не могу без снисхождения относиться к женским занятиям! Ну, не ругайся и не обижайся!

Зоя не ругалась и уж не особенно обиделась, но в душе поселилось недовольство. Ампула «маленькой девочки» ей наскучило, она чувствовала потребность в утверждении своей творческой личностной значимости. А потому, когда актер выбрал ее «доверенным лицом», она безоговорочно, даже с удовольствием признала свое старшинство. Ей вдруг понравилось выглядеть опытной, много пережившей женщиной. Тем более что ее и Артура связывало творчество –

они многие вещи понимали с полуслова.

Впрочем, говорил в основном Артур. Каждую их встречу, а теперь они были почти ежедневными, актер рассказывал Зое театральные новости, сплетни, советовался по поводу ролей и вообще вел себя так, словно Зоя была близким родным человеком, от которого у него не могло быть тайн.

– Я так понимаю, что актер не имеет права жениться? – произнес однажды Артур.

– С чего ты это взял? – Зоя удивленно уставилась на него.

– Семейная жизнь растворяет эмоции, разбавляет, делает их менее густыми. Мы выкладываемся в жизни, а на сцену сил уже не хватает!

– Это зависит от темперамента, – улыbnулась Зоя, – а потом, ты же сам утверждал, что актер – это ремесленник. Что это чисто техническая профессия.

Артур кивал, соглашаясь со своей мудрой подругой. Сначала их встречи происходили у Зои дома, но потом, постепенно, Артур и Зоя стали появляться вместе и в театре, и в ресторанах, и в гостях. Следствием этого был громкий и невежливый разрыв Зои с состоятельным любовником и переполох в стане поклонниц Артура.

– Подумай! Он моложе тебя! У него таких – с десятков! – восклицал бывший Зоин любовник.

– Откуда взялась эта старуха?! – вторили поклонницы Артура.

А иногда даже звонили Зое. И многозначительно молчали.

– Алло, алло! – кричала Зоя в ответ, а потом, повернувшись, говорила Артуру: – Что за женщины тебя окружают?

– Женщины как женщины! – пожимал плечами красавец и неизменно добавлял: – Конечно, с тобой сравниться никто не может!

Зоя улыбалась, польщенная. Близкими их отношения стали быстро – Зоя даже не успела задуматься как следует, как вторые ключи от ее квартиры оказались у Артура. Он обычно приезжал к Абрикосовой после репетиций и проводил весь вечер на диване у телевизора. Зоя беспокойно хлопотала по хозяйству – этой непривычной ролью она просто наслаждалась. Очень приятно было заботиться о другом, тем более что эта забота не ограничивалась только приготовлением вкусной еды. Зоя почти с материнской нежностью расспрашивала Артура о проведенном дне, о трудностях спектакля, о столкновениях с режиссером. Она уже была убеждена, что Артура недооценивают, что интриги коллег не дают проявиться его таланту в полной мере. Она уже знала всех актеров театра, их характеры, вкусы, была в курсе их домашних дел. Но больше всего ей теперь нравилось ходить в театр. Артур, к ее огромному изумлению, настаивал на том, чтобы она присутствовала на всех его спектаклях.

Сидя в директорской ложе, она ловила взгляды и слышала шепот. Зое это было приятно, но еще приятнее было то,

что Артур ценит ее внимание. Явный патернализм их отношений Зою не только не смущал – ощущение превосходства и сознания того, что на тебя смотрят как на опору, будоражило кровь и повышало самооценку. Зоя Абрикосова расправила хрупкие плечи и взвалила на себя все проблемы красивого молодого человека. Ею был заведен большой ежедневник, куда тщательно записывались все планируемые встречи, все мероприятия, все телефонные звонки. Абрикосова, без всякой просьбы со стороны Артура, подняла на ноги знакомых, которые могли быть ему полезны.

– Зачем тебе это надо? – спрашивали ее порой те, к кому Зоя обращалась. – Он и так известен. Таланта там немного, но появился он в нужное время и в нужном месте. Твой Артур – продукт своего времени.

– Сделайте это для меня, – отвечала нараспев Зоя.

Устоять перед зелеными глазами Зои было нелегко – и в газетах появлялись хвалебные рецензии, отзывы, интервью. Не было ток-шоу, на которое не приглашали бы Артура, а в театре поговаривали, что сам Шульц – всемирно известный немецкий режиссер – приедет делать для него спектакль. Зоя удовлетворенно улыбалась, гордая успехами своего подопечного. И совершенно не удивлялась, что тот ни разу ее не поблагодарил. Более того, когда ее близкая подруга заговорила с ней на эту тему, Зоя оскорбилась:

– Ты представляешь, как будет выглядеть его благодарность в этой ситуации?! Он моложе, у нас отношения, он от-

лично понимает, что подобными словами поставит меня в неловкое положение!

Подруга только удивленно подняла брови.

Впрочем, на окружающих Зоя не обращала внимания – она с удовольствием жила по новым правилам. Оказалось, что не так уж трудно договориться, не прибегая к женским чарам, оказалось, что вокруг много знакомых, готовых прийти ей на помощь, оказалось, что деятельная активная жизнь гораздо интереснее, чем та тихая, неторопливая, которую Зоя Абрикосова вела в тени успешных, сильных мужчин. Конечно, Зоя догадывалась, что дело еще и в любви. Без любви она не смогла бы так вдохновенно убеждать нужных людей в таланте своего протеже. Но и любовь была другая. Сама Зоя, часто исподтишка наблюдая за Артуром, признавалась себе, что в этой любви важен не объект, а само чувство с его новым, еще неизведанным ритмом.

Их интимные отношения с самого начала напоминали супружеские – поскольку страсти было немного. Там оказалось больше уюта, покоя, ласки. Зоя впервые проявляла больше активности. Артур же покорно и ласково, как болезненный ребенок, принимал эту активность. Иногда по ночам Зое казалось, что ее жизнь вполне устроилась – мужчина-любовник, он же друг, он же единомышленник, он же объект материнской заботы, ученик, подопечный. «Это просто какой-то педагогический Эрос!» – не без иронии думала Зоя. Стихи она забросила, ей было некогда – как в городе отлично пи-

шется о настоящей природе, так в присутствии любви о любви почти не пишется.

Беды или трагедии, со всеми ее атрибутами, о которых так деликатно намекали внимательные Зоины подруги, не случилось. Артур исчез из жизни Зои так же внезапно, как и появился. В один прекрасный день он не приехал и не позвонил. Наутро испуганная Зоя примчалась в театр и, предчувствуя близкий обморок, разыскала его в артистическом кафе. Артур беззаботно завтракал булкой и кефиром. Увидев Зою, он как ни в чем не бывало улыбнулся, помахал рукой и почти насильно усадил Абрикосову рядом на стул.

– Что-то случилось? – прошептала Зоя, очень стараясь, чтобы окружающие ничего не поняли.

– Ничего не случилось, – беспечно пожал плечами Артур. – Кефира хочешь?

– Не хочу. – Зоя еле сдерживалась. Так ей хотелось кричать, выяснять... – Я тебе звонила, телефон выключен был. Ты почему вчера не приехал?

– Не смог. – Артур по-прежнему улыбался спокойно, расслабленно.

– А почему не позвонил?

– Закрутился...

Зоя ничего не поняла. Она не поняла, что можно так просто не приехать. Так просто не позвонить. И вообще так просто взять и изменить то, к чему оба уже привыкли.

– У тебя появилась другая? – спросила она.

– Да нет, когда она могла бы появиться?

– Так почему же ты вчера не приехал?!

– Не смог.

– Можно было же позвонить! Почему не позвонил?

– Закрутился.

Зоя посмотрела на Артура – и у нее от бессилия душа сжалась в комочек, а вместо сердца образовался большой воздушный шар. Казалось, он вот-вот лопнет.

– Я поеду. – Зоя встала, все еще надеясь, что ее удержат, что-то объяснят, откроют страшную тайну – и все станет на свои места.

Но Артур лишь кивнул и бросил:

– Хорошо.

Зоя вышла из театра, села в машину и почувствовала отвратительный запах автомобильного освежителя воздуха. «Господи! Как я могла его купить!» – подумала она и поняла, что некоторые ее подозрения не напрасны. Но вместо радости теперь эти открывшиеся обстоятельства могли доставить ей только огорчения. Зоя была беременна.

Ей необходимо было пережить несколько недель плохого самочувствия, две встречи с Артуром, которые закончились ее слезами, и один вечер, в который она приняла решение. Наутро она уже ехала в больницу.

Подруги Зои узнали о случившемся и протрубили общий сбор.

– Завтра я задержусь, – закончив разговор по мобильному, твердо заявила Соня, одна из подруг Зои Абрикосовой, посмотрела на своего мужа, который угрюмо жевал бутерброд с сыром.

– Да хоть вообще не приходи! – с готовностью отозвался муж.

Соня вздохнула. Они были женаты уже столько лет, а привыкнуть к грубости супруга она так и не смогла. По первости подобные ответы становились причинами их ссор – Соня, в которой смешалась цыганская и польская кровь, была одновременно и темпераментна, и невероятно упряма. Надежду перевоспитать мужа она не оставила до сих пор. Со временем эта надежда трансформировалась в тягучую и удушающую способность с непреклонной уверенностью в собственной правоте «пилить» благоверного. Вот и сейчас она спокойным, ровным голосом начала:

– Ну зачем ты так?! Мне же неприятно слышать такие слова. Ты же мог ответить по-другому. Например: «Дорогая, что случилось? Почему вернешься поздно? Может, тебя встретить?»

Соня произносила все это словно автомат, только еле различимые модуляции ее голоса позволяли распознать волнение. Волнение действительно было – подруга Зоя Абрикосова попала в беду. Ей требовалась поддержка и помощь. И откладывать встречу было никак нельзя. Соня знала, что муж обязательно устроит скандал, и теперь важно было, чтобы

это случилось сейчас, до встречи с подругами – и тогда завтра не придется сидеть и мучиться от неотвязных мыслей о предстоящих разборках дома.

Муж внимательно посмотрел на корочку хлеба, которая осталась от бутерброда, слизал с нее масло и остаток бросил в тарелку. Чай он допил залпом.

– Что я буду спрашивать?! – наконец проговорил он. – Что у вас там может случиться?! Болтовней со своими курами-подругами будете заниматься. И учти, встречать я тебя не намерен!

«Слава богу! – мысленно перекрестилась Соня. – Все идет как по маслу».

Вслух же она сказала:

– Конечно, сама доеду. Только тебе совершенно незачем сердиться. По телевизору хорошая программа, да и ребрышки свиные я тебе приготовлю.

Соня ласково бубнила – она знала, что муж будет дуться ближайшие два-три часа, потом замолчит, словно немой, но к завтрашнему дню успокоится. Действительно, муж против обыкновения не поставил посуду в посудомойку, не убрал со стола газету, а надевая костюм, демонстративно выбрал самый не любимый Соней галстук. «В этой твоей ядовитой удавке только на новоорлеанские похороны ходить!» – Обычно, увидев на муже галстук в черно-желтые ромбы, Соня намекала на его чрезмерную броскость.

– Дай-ка я тебя чмокну! Удачи! – Соня, невзирая на де-

марш мужа, была ласкова. Она поднялась на цыпочки и клюнула благоверного в щеку, прежде чем он хлопнул дверью.

– Люда! – проводив мужа, Соня набрала телефон их общей с Зоей Абрикосовой приятельницы. – Все нормально, завтра вечером встречаемся у Зойки. Я кое-что приготовлю, ты вина купи! Мой? А что мой? Надулся и ушел на работу! Это тебе хорошо – у тебя муж со стажем.

Соня повесила трубку и оглядела дом. Работы было выше головы, но ее следовало оставить на вечер – на службе за опоздание могут и премии лишить.

Зоя Абрикосова, Соня Потыль и Люда Сурова подружились в школе. Тогда, пятнадцатилетние, они сблизилась по территориальному признаку – жили на одной улице и на занятия шли одной дорогой. Сейчас их, тридцатилетних, связывала трогательная, полная заботы и участия дружба. Эта дружба была лишена женской зависти – каждая в своей жизни почти достигла того, о чем мечтала, но, главное, они все были лишены иллюзии, что друг (в данном случае подруга) может быть единственным. Это детское заблуждение, такое свойственное и людям взрослым, порождало обиды, ревность и интриги. Зоя, Соня и Люда отлично понимали, что в течение жизни их может свести судьба с людьми и приятными, и близкими по духу, и преданными, и что этих людей надо ценить, и что отношения с этими людьми никоим образом не могут повлиять на их общую дружбу.

После школы жизнь Зои, Сони, Люды, разумеется, скла-

дывалась по-разному – в соответствии с личными планами и амбициями каждой, и впоследствии ни разу никто из них не позволил себе поучать, наставлять или уж тем более высокомерно относиться к выбору другой. Они избавились от того, что свойственно обычно многолетней женской дружбе, при которой стаж отношений позволяет подобные вольности. Поэтому их связь была прочна, словно стальной трос.

Они были абсолютно не похожи друг на друга и занимались совершенно разными делами. Соня, математик и химик, сочетала науку с поддержанием сейсмически неспокойного домашнего очага. Муж с характером вздорным и занудным, дети, требующие внимания, – все это отвлекало, но Соня, женщина железная, успевала все. Или почти все.

Люда была гуманитарием, но с абсолютно аналитическим складом ума. В довершение ко всему в ней отсутствовала мягкость восприятия, воспитанная обычно классической литературой и иным гуманитарным наследием. Люда была лишена и розовых очков, которые «прописывает» беллетристика. Она всегда обращала внимание на негативную сторону дела и только потом, как бы спохватившись, допускала наличие позитива. Но в очень ограниченных количествах.

Люда была фантастически трудоспособна и все заработала своей головой и руками. Убежденная одиночка, она любила рассчитывать только на себя, не принимая во внимание возможность гендерных отношений. Это черта характера проявлялась даже во внешнем виде. Люда стриглась два

раза в год – летом:

– Сделайте покороче – чтобы не было жарко!

И зимой:

– Мне бы покороче – все равно под шапкой.

Одежда Людочки была под стать характеру, убеждениям и прическе – свободные трикотажные брюки и блузы-размахайки. Вопросы еды, как и секса, ее не занимали вовсе. Ела она беспорядочно и нерегулярно, с мужчинами встречалась неохотно и без намека на стабильность в отношениях. Они быстро начинали раздражать Люду тем, что отнимали массу ее времени и внимания. В те моменты, когда очередной мужчина начинал что-то рассказывать, требуя активного участия и сопереживания, Люда рассеянно смотрела на него и считала минуты до того момента, когда сия утомительная личность уйдет, а она сможет наконец сесть работать. Мужчины, и сами не стремившиеся к каким-либо узам, тем не менее огорчались при невозможности переложить груз своих психологических проблем на Людочкины плечи. Еще они, как правило, планируя визит, рассчитывали на праздничный оливье, но Люда терпеть не могла возни на кухне, а потому выставляла гостя из дома, как только у него высыхали волосы после душа. Казалось, Люда так никогда и не переживет упоительно-болезненный взлет души, именуемый любовью. Но, к удивлению подруг, несколько лет назад она скоропалительно вышла замуж. Завоевал ее – весьма неожиданно и стремительно – мудрый вдовец, который не обратил

внимания на оплывшую, словно свечка, Людочкину фигуру, не заметил слишком ранней седины в районе висков и как бы не услышал категоричности рассуждений этой умной и образованной женщины. Он, грустно улыбаясь, предложил Люде конный поход на Алтай – и оттуда она вернулась невестой.

– Как ты думаешь, что с ней произошло во время этой «лошадиной» прогулки? – спросила тогда Зою недоумевающая Соня.

– Видишь ли, надо уметь выбирать место действия. Соответствующее человеку. Он выбрал. Она вписалась. Он влюбился. Она поверила, – недолго думая, ответила Зоя.

И была права.

Замужество никак не отразилось на отношениях Людочки с Зоей и Соней. А ее мудрый муж только всячески им способствовал, за что был искренне любим супругой и иногда премировался мальчишником в бане.

Подруги чаще созванивались, чем встречались, но если в жизни одной из них что-то случалось, они жертвовали всем – работой, домашними делами, визитом к врачу. Они были вместе, чтобы поддержать друг друга словами, тортом, обильно украшенным кремовыми розочками и следами. Ведь только женщины знают, что подчас решение всех проблем находится где-то рядом с мокрым носовым платком.

Однако сейчас, несмотря на все это, разрыв с Артуром

и то, что последовало потом, Зоя решила пережить в одиночестве. Она поблагодарила подруг за участие и на какое-то время рассталась с ними. Перестала бывать в Доме литераторов, проводила вечера перед телевизором, не отвечая на телефонные звонки. Ее дневная жизнь сосредоточилась теперь на поликлинике, где было много пациентов, которых интересовало только их собственное здоровье, а не проблемы окружающих. Именно это Зою сейчас и устраивало. Иногда наблюдая за посетителями процедурного кабинета, она успокаивала себя мыслью, что душевные невзгоды не такие уж и смертельные в отличие от физических недугов. Впрочем, по ночам ей, медику, не давал покоя страх о последствиях, к которым мог привести сделанный аборт. Эти ночи были мучительными, и засыпала Зоя только под утро, успокаивая себя так: «Господи, о чем это я?! Любовника нет, мужа нет, а я о детях волнуюсь!»

Она перестала писать стихи. Все, что раньше так волновало Зою Абрикосову, так грело душу, так сладко выливалось на бумагу в виде рифм, теперь казалось надуманно смешным и даже неприличным. Ей было стыдно прошлого, а в него она включала не только роман с Артуром, но и попытки сделать поэтическую карьеру.

– Знаешь, я писала такие глупости, что даже неприятно самой! – во время телефонного разговора призналась она как-то Люде.

И та всерьез обеспокоилась состоянием подруги – ведь

раньше, что бы ни случилось с Зоей Абрикосовой, поэзия была темой почти святой.

– Я приеду к тебе, поговорим, – деятельно начала Людочка.

Но Зоя остановила ее:

– Не надо, со мной все нормально. Да и работы полно в поликлинике.

Работы действительно было много – Зоя вдруг решила подучиться, повысить квалификацию, получить сертификат, дающий право на возможность выполнять косметические инъекции. Еще она записалась на курсы лечебного массажа – и вскоре получила еще один диплом. В поликлинике очень обрадовались такой бурной деятельности, и вскоре, ввиду временного дефицита кадров и принимая во внимание исключительные организаторские способности Зои Абрикосовой, ей предложили место заведующей физиотерапевтическим отделением.

– Что вы, боюсь, не справлюсь! – заливаясь роскошным румянцем, кокетничала обрадованная Зоя в кабинете главного врача.

– Еще как справитесь! – успокаивал тот, любясь Зоиныными рыжими волосами и нежной кожей.

В ведении у Абрикосовой теперь был целый этаж – множество кабинетов с новым оборудованием и почти двадцать человек в подчинении.

Настороженность, с которой ее встретил коллектив, про-

шла быстро. Зоино умение жить в полной мере проявилось в ее руководящей манере – начальником она оказалась понимающим, честным по отношению к подчиненным, при этом не забывающим о пользе дела, но и не игнорирующим собственные интересы. Пациенты были всегда рады видеть красивую заведующую, сотрудники прощали строгость в соблюдении трудовой дисциплины – Зоя могла закрыть глаза на многое, но только не на опоздание и не на грубость в отношении больных.

...В тот день Зоя застряла в большой пробке, потом ей пришлось заехать на заправку, так что к работе Зоя подъехала без пяти девять. Еще минуты две ушло на парковку, и теперь уже бегом она бежала к поликлинике. Преодолев несколько высоких ступенек, Зоя подлетела к входу, протянула руку к массивной ручке, но в это время мужчина в форме, спешно выходящий из тяжелых дверей поликлиники, налетел на Зою. Боясь, что сбил ее с ног, мужчина обнял Зою обеими руками и с силой прижал к себе. Зоя, поневоле уткнувшись ему в грудь, вдохнула запах табака, остатков утреннего одеколона и еле-еле различимый аромат яичницы на сале. В этом сочетании запахов было столько родного, домашнего, а в сильном объятии столько искреннего страха за нее, что Зоя влюбилась тут же, прямо в дверях своей поликлиники.

– Простите, ради бога! Не зашиб? – с тревогой заглянул в лицо Зое мужчина в форме.

– Нет, ничего страшного, – ответила Зоя, чувствуя, что объятия не ослабевают, – только я на работу опаздываю!

– Извините, я не хотел, – проговорил мужчина и наконец разжал руки.

Они какое-то мгновение еще постояли друг против друга, а потом, кивнув, расстались.

Оставив прекрасного военного незнакомца на высоком гранитном крыльце, в свой кабинет Зоя вошла с пылающими щеками.

– К вам двое по поводу процедур, пусть проходят? – спросила медсестра, тут же открыв дверь.

– Пусть, – рассеянно кивнула Зоя.

...Прописывая электрофорез на область поясницы, Зоя счастливо и загадочно улыбалась.

Забавный случай у входа в поликлинику не уходил из ее памяти. Зоя припоминала все подробности этого столкновения, и у нее сладко ныло сердце от той заботы и тревоги, которые читались в глазах незнакомца. К воспоминаниям подключилась фантазия, и очень скоро Зое казалось, что глаза у мужчины синие-синие, плечи широкие, что морской китель и фуражка сидят ладно, почти как доспехи рыцаря. «Откуда он взялся в нашей поликлинике?!» – задавала себе Зоя дурацкий вопрос. Совершенно очевидно было, что, как и многие другие, этот человек лечился у них по страховому полису, который выдали на службе. «Интересно, часто он бывает? У нас в отделении я его не видела прежде? – про-

должала она размышлять. – Так, в девять часов он уже выходил из поликлиники, значит, был в лаборатории. Они с восьмью начинают работать. Точно, он анализы сдавал... Кровь, наверное». У рыцарей ведь не могло быть ничего, кроме крови. Горячей и благородной.

Зоя не была бы Зоей, если бы не нашла способ получить нужную информацию. Это другой женщине не пришла бы в голову идея расспросить коллег о незнакомце, это другая женщина не поверила бы в осуществимость задачи – узнать, что за человек в морском кителе приходил в их огромную шестиэтажную поликлинику. Любая другая женщина даже не предприняла бы попытки, но только не Зоя. Влюбилась она с полувзгляда, но пылко, а потому через несколько дней появилась в регистратуре и, активно жестикулируя, привлекла к себе внимание и начала:

– Девочки, внимание! Вторник, пятнадцатое, раннее утро! Морской офицер, возраст что-то около тридцати пяти – сорока лет. Вспомните сами, поговорите со сменщицами. Если его увидите, направьте к нам! – Тут Зоя помахала перед дамами черным кожаным портмоне, которое когда-то кто-то забыл у нее в отделении, и, осуждающе покачав головой, пояснила: – Люди скоро будут голову свою забывать!

– Не волнуйтесь, – кивнула старшая регистратор, – я спрашиваю девочек. Но, думаю, в первую очередь надо спросить в лаборатории, так рано только они работают!

– Хорошая мысль! Спасибо! – улыбнулась Зоя.

Зоя все рассчитала правильно. Не привлекая пристального внимания, она мобилизовала сотрудников на решение своей проблемы. Теперь при удачном стечении обстоятельств капитана направят к ней. А тогда... Тогда умная Зоя покажет ему портмоне, а он скажет, что это не его. Зоя извинится, завяжется разговор, он не может не завязаться... Одним словом, Зоя предприняла простые и, скорее всего, весьма действенные шаги.

«Как хорошо работать в физиотерапии! К нам пациенты за всю историю их болезни хоть раз да попадут!» – подумала Зоя, и в ее сердце расцвела надежда.

... Через пару дней Зоя спустилась в лабораторию. Она помахивала портмоне и точно так же сетовала на людское головоустройство:

– Слушайте, у вас не был, случайно, такой в форме, военный?

– Был, был на днях, – тут же откликнулась пожилая лаборантка. – Ворох бумажек принес, а самое главное направление забыл. Что-то случилось?

– Да, мои сказали, что вот он оставил, – по сценарию со зврала Зоя.

– Как появится, скажу ему, чтобы к тебе зашел, – пообещала лаборантка.

– Бегай тут за ними, – пробормотала Зоя, а сама отметила про себя, что незнакомец в лаборатории больше не появ-

лялся. Значит, зря она, Зоя, приезжала на работу на сорок минут раньше с надеждой столкнуться с ним опять.

Впрочем, Зоя не только пораньше приезжала на работу. Она теперь очень тщательно следила за собой – прическа, ресницы, маникюр, одежда. Белый медицинский халат она сменила на кокетливый форменный брючный костюм, который подчеркивал ее фигуру. Теперь Зоя улыбалась чаще обычного, была смешлива, энергична. Она часто выходила из кабинета, заглядывала к коллегам в другие отделения, удивляя своей веселостью и разговорчивостью.

– Ах, Зоенька, вас что-то не узнать! – игриво намекал ей главврач.

Зоря Абрикосова на это только громко смеялась. Она вела себя так, будто бы была на сцене, будто бы где-то скрывался зритель, который должен был по достоинству оценить и ее внешность, и деловитость, и обаяние. Изредка она внимательно оглядывала ожидающих приема посетителей с надеждой, что среди них окажется тот самый незнакомец в военной форме.

В этом ожидании прошло несколько недель. Зоя была терпелива, словно сказочная девица в предчувствии своего суженого. Укладываясь спать, она вновь и вновь вспоминала те нечаянные объятия, и ей казалось, что незнакомец в форме – это ее давний друг-любовник, который вот-вот вернется.

С работы позвонили очень не вовремя – Зоя жарила котлеты. Она не любила готовить каждый день. Но любила аппетитные запахи. Для нее вкусный кулинарный дух был свидетельством устроенности, надежности, стабильности. Покоя, уюта, надежды. Запах жареного мяса и ванильного крема навевал такую светлую грусть, что, почуяв их, Зоя мчалась домой и ударялась в безудержные гастрономические крайности. Вот как сегодня с этими бесчисленными бараньими котлетками. В свой выходной она с раннего утра гремела кастрюлями и сковородками, готовила фарш, потом мелко резала лук – никакой мясорубки, только мелко посечь его острым ножом, потом добавить кинзы и немного сухих трав. Зоя предпочитала готовить много, впрок – несмотря на мощную кухонную вытяжку, весь дом и вся Зоя пропитывались этим пряным мясным духом. Звонок из поликлиники раздался, когда почти недельный запас котлет, остывших и разложенных по пакетикам, был размещен в морозилке.

– Добрый день, Зоя Петровна, – заговорила в трубку Ира, ее заместитель, медсестра, – посмотрите, пожалуйста, вы второй ключ случайно не унесли?

– Какой второй ключ? – не поняла сначала Зоя.

– От пятого кабинета, – пояснила Ира. – Там же сегодня процедуры.

«О господи!» – Зоя вспомнила, как она вчера, торопясь, бросила этот самый ключ в сумку.

– А у охраны нет второго ключа? – спросила она с надеж-

дой.

– Нет, я уже ходила.

– Хорошо, я сейчас выезжаю. Задержи там немного людей, а то пойдут жаловаться. И будут правы! – Зоя всегда была самокритична.

– Не волнуйтесь, – пообещала добрая девушка, – задержу.

Зоя бросилась в ванную, но потом глянула на часы и ограничилась только тем, что ту же заколола волосы. Уже сидя в своей машине, она в полной мере ощутила силу запаха свежих бараньих котлеток. «Господи, ну, да, не очень прилично! Но времени на душ у меня нет. И потом, нельзя же быть всегда в «боевой готовности». Если я этого капитана не встретила до этого, то и сегодня вряд ли увижу. Чего уж там!» – Зое вдруг стало очень грустно. Одновременно с грустью наступило облегчение – не надо было любой ценой, нечеловеческими усилиями, вопреки настроению и самочувствию, разыгрывать из себя вечную красавицу. Можно побыть и замарашкой.

– Ира, вот, бери ключ, – сказала Зоя, войдя в свой кабинет, возле которого ее ждала заместительница, – а я бегом домой! Ты меня от плиты оторвала.

– Спасибо, там уже целая очередь собралась. – Ира схватила ключ и побежала открывать кабинет.

И в это время вошел тот самый капитан.

– Добрый день, – весело поздоровался он с Зоей.

– Здравствуйте, – оторопела она, чувствуя, что краснеет

и собирается провалиться сквозь пол, прямо на первый этаж, откуда так легко сбежать на улицу.

– Котлетки из баранины. – Незнакомец в форме повел носом. – С чесночком. Если вы их готовили сами, у вас отличные матримониальные перспективы. Или муж счастливчик!

– Я не замужем, – растерялась Зоя.

– Отлично! – улыбнулся капитан. – На котлетки приглашите?

– Вы с ума сошли! – выпалила Зоя. – Я вас вижу второй раз в жизни!

– Но и я вас тоже, – развел руками капитан, – заметим, и тем не менее не боюсь отведать ваших котлет!

Крыть оказалось нечем. Зое надо было срочно придумать ответ, чтобы этот человек не исчез навсегда с ее горизонта, словно корабль в море.

Зоя привычно повела плечом – она делала так всегда, когда хотела привлечь внимание, потом она так же заученно вздернула подбородок и слегка скосила глаза. Незнакомец изумленно проследил за всеми этими «пассажами», и в его глазах отразилось восхищение. Но тут с Зоей что-то случилось. Вместо кокетливого продолжения разговора она вдруг устало произнесла:

– Вы – за тем, что оставили у нас?

– А что я оставил у вас? – изумился капитан.

– Вот. – Зоя достала лежавший наготове уже несколько недель кошелек.

– Впервые вижу, – отреагировал капитан.

– Ясно, тогда к делу, – сказала Зоя сурово, – вас к нам кто направил?

– Хирург. И невропатолог.

– Отлично, сейчас подойдет сотрудница и займется вами.

Зоя развернулась и, распространяя вокруг себя гастрономический дух, вышла из кабинета. «Дура! Что это вдруг хвост распустила?! Мало тебе этого Артурчика?!» – Зоя шла, почти бежала к машине и ругала себя за идиотскую придуманную влюбленность и ненужное кокетство. Оказывается, это только мечтать о любви было приятно, на деле еще было сильно чувство разочарования и унижения после того вероломного разрыва с красивым актером. Еще жила боль утраты и потери возможного семейного счастья. «Сейчас бы рос ребенок!» – подумала она, садясь за руль. И тут же разрыдалась. Ей стало и стыдно за свою слабость и одиночество, и жалко себя, и неудобно за глупую, почти девическую придуманную любовь.

На следующий день она пришла на работу без макияжа, без каблучков, со старообразным пучком на голове.

– Вы заболели? – участливо спросила Ира.

– Почему ты так решила? – Зоя нарочно вызывала Иру на неприятную откровенность.

– Ну, какая-то не такая, бледненькая.

– Я просто на работе. Здесь главное людей лечить, а не наряжаться.

Обозначив свою позицию, Зоя немного успокоилась. Весь день она приводила в порядок карты, направления, подписывала документы и вообще переделала все, что слегка запустила в предыдущие недели, когда гуляла по коридорам поликлиники, ожидая встречи с незнакомым капитаном. В конце дня Зоя стала злой как собака.

– И что это значит? У нас посещаемость упала. Мы что, не можем оказывать услуги – мы не берем на УВЧ и массажи? Почему такой перекосяк в пациентах – все хотят сделать электрофорез этот несчастный? А инъекции?! У нас же всегда очередь была!

– Назначения делают врачи, – удивленно оправдывалась Ира.

– Ну да! Или пациенты предпочитают другие места, где физиотерапию проводят.

Зоя несла откровенную ерунду. Она понимала, что ничьей вины нет, что действительно совершенно случайно вырос процент одних лечебных мероприятий и понизился других. Это никогда не зависело от них, сотрудников отделения. Но Зоя была зла – незнакомец в этот день у них не появился. И у нее не было возможности доказать себе и другим, что отношения ей не нужны, что она будет долго и придирчиво изучать человека и не поведется на дешевые трюки с ухаживаниями.

Ровно в восемь она встала из-за стола и стала собирать сумку. В этот момент в кабинет постучали.

– Войдите, – Зоя произнесла это сурово, она уже отлично знала, кто был там, за дверью.

– Простите, я опоздал! Со службы не получилось удрать! Совещание, потом еще одно. Мне что, завтра прийти?

– Да, уже восемь часов. Мы не можем работать всю ночь. – Зоя сурово запихнула в сумку зонт.

– Понятно, – в нерешительности произнес незнакомец, – тогда только до послезавтра. Всего хорошего!

– Почему – до послезавтра? – выдала себя Зоя.

– Завтра не смогу. Уезжаю в местную командировку.

– А что у вас? Какое назначение?

– Карта моя у вас где-то.

Зоя бросила копаться в сумке и как можно более нейтрально спросила:

– Как фамилия?

– Гранин Алексей Александрович.

Зоя перебрала стопку карт и назначений. В самом низу лежала карта.

Зоя раскрыла ее и внимательно прочитала все, что там было написано. «Господи! Дура я пошлая!» – обругала она себя. Карта Гранина Алексея Александровича пестрела диагнозами разной сложности.

– Проходите, я сама все сделаю. – Зоя надела халат и пошла готовить процедурную.

Через полчаса они вышли из кабинета и направились к автостоянке.

– Завтра вас не будет, но в последующем не пропускайте процедуры. Когда речь идет о физиотерапевтическом лечении, самое главное – система и порядок.

– Я знаю, завтра будет единственный день, когда я пропущу процедуру. – Капитан Гранин улыбнулся, и Зоя не смогла не ответить ему. Улыбка этого человека была удивительно обаятельной и доброй.

– Скажите, как случилось, что вас так покусал пес? – удивившись прочитанному в карте, спросила Зоя.

– Пришлось спасти мелкую собачку, которую мог сожрать бультерьер.

– То есть вы бросились спасать другую собаку и на вас накинута этот самый бультерьер?

– Ну да, – кивнул Гранин, – ничего героического. И очень больно. Вы же видели – у меня в швах вся нога и руки тоже. Боялись за сухожилия. Но вроде...

– Господи, какой ужас! – ахнула Зоя. – Ну почему их водят без намордников?!

– Меня больше интересует, почему их владельцы без намордников, – нахмурился Гранин. – Там виноват был хозяин. Он спровоцировал свою собаку и не сумел с ней справиться. Или не знал как. Так что осторожно ходите мимо собачьих площадок.

– Да, вы правы. Иногда все дело в человеке. До свидания. – Зоя подошла к своей машине.

– До послезавтра, – помахал ей на прощание Гранин.

Всю дорогу от поликлиники до дома Зоя думала о том, что вот, например, ее знакомый актер Артур никогда бы не полез спасать чужую собаку. Он бы волновался о внешности, руках и ногах. А этот человек, такой бесстрашный, рискнул собой ради животного. «Нет, определенно, любовь к живым существам – это свидетельство обнадеживающее!» – осторожно подумала Зоя, открывая дверь своей квартиры.

Алексей Александрович Гранин отличался кротостью нрава и чрезвычайной нерешительностью. Как он умудрялся с таким «багажом» командовать морским судном, а затем управлять немаленьким подразделением в соответствующем ведомстве, понять никто не мог. Но у него это получалось, как и получалось совершать множество мелких благородных поступков. История со спасением несчастного шпица, которого чуть не загрыз бультерьер, тому подтверждение.

Его неплохая карьера, помимо всего прочего, объяснялась еще и тем, что манеры Гранина вводили в заблуждение. Он никак не выглядел грозным деловым соперником, скорее вызывал усмешку. Ему запросто поручали сделать важные дела, подразумевая, что он с ними не справится и чужая работа над его ошибками приведет к желаемой расстановке сил. Но каждый раз происходило чудо – Гранин успешно решал сложные задачи и с той же открыто-застенчивой улыбкой поднимался еще на одну ступеньку вверх.

Друзей у него было немного, коллеги о нем почти ниче-

го не знали, ну, разве только стандартные анкетные данные. Зоя, заглянувшая в карту, сразу отметила графу «семейное положение» – Гранин был женат, детей имелось двое. «А, вот откуда этот слабый запах яичницы с салом!» – Зоя все еще помнила первую встречу и первое объятие.

Ночью она ворочалась в постели. И мысли ее вертелись вокруг семейного положения Гранина: «Жена, и только жена будет жарить такую многоступенчатую яичницу. Сначала шпиг надо в шкварки превратить, проследить, чтобы они не сгорели, а уж потом залить это дело яйцом!» Наутро она удивлялась тому, как быстро и безрассудно можно придумать любовь к человеку, о котором ничего не знаешь. «Не мое это, не мое, – решила она, глядя на себя в зеркало, – а потому оставим в покое все эти дамские ухищрения».

На работу Зоя стала приходить, как и раньше, – без макияжа и по-спортивному одетой. Она дала себе слово не разбивать семью, не портить жизнь другим и дожидаться своего счастья, незамутненного и неразбавленного житейскими коллизиями. Зоя так решила, но кто бы ей объяснил, что подобные решения к реальности не имеют никакого отношения и что они – не что иное, как прелюдия к поступкам, которые прямо противоположны этим самым решениям.

И точно. Наступило послезавтра, Гранин явился на процедуру, и Зоя вручила ему баночку с мазью.

– Что это? Приворотное зелье? Так оно вам за ненадобностью! Вы настолько хороши собой, что... – рассмеялся Гра-

нин.

Зоя тоже засмеялась, но потом строго пояснила:

– Этот бальзам изготовлен на травах, мажьте ваши раны. Не бойтесь, его делает моя хорошая знакомая – спортивный врач, мы на курсах вместе учились.

– А я и не боюсь! – весело сказал Алексей Александрович. – Спасибо вам, обязательно буду мазать.

Зоя кивнула и пояснила:

– Не хочу вас пугать, но раны потребуют длительного лечения. И шрамы останутся. Но вы же не девушка, в мини-юбке не ходите.

– Да, мини-юбки не ношу и на других не люблю, – рассмеялся Гранин.

– Это еще почему? Когда у женщины красивые ноги... – начала Зоя, покачав головой.

– Все равно не люблю. Люблю юбки до середины колена. Очень женственно получается.

– Согласна. Я чаще всего такую длину и ношу, – неожиданно для себя сказала Зоя.

– Вам можно носить все, что угодно. Вы почти совершенство! – галантно произнес Гранин. – Я это еще тогда, когда мы в дверях столкнулись, заметил.

«Он помнит! Он помнит эту встречу!» – Зоя залилась краской и в этот момент опять влюбилась в капитана Гранина. Куда только девалась ее принципиальность и осторожность, о чем она только подумала в это мгновение, когда

вспомнились синие глаза перед самым ее лицом и крепкое нежное объятие. «Жена? И что?» – самонадеянно подумала Зоя и опять повела плечом, вздернула подбородок и скосила зеленые глаза. И опять Гранин замер от восхищения, наблюдая эту женскую игру.

– Вы – ведьма, – не скрывая нахлынувших чувств, произнес он. – Рыжая, с зелеными глазами. И вы бессовестно колдуете над людьми.

– Я – не ведьма. Я просто женщина, – обезоруживающе улыбнулась Зоя.

В ней проснулось то, что всегда являлось ее внутренней опорой. Это была убежденность в собственной исключительности, в собственной неповторимости и в том, что ее обязательно оценят по достоинству. В Зое проснулось уснувшее на время качество, которое помогало писать стихи и не обращать внимания на шипение конкурентов, которое помогало устоять на ногах в невзгодах, которое связывало ее с этим миром прочнее корабельного каната. Это прекрасное женское качество помогает самым невзрачным, самым блеклым и некрасивым представительницам слабого пола. Но в сочетании с Зоиной красотой уверенность в себе была сродни бронебойному оружию.

Каждый роман начинается по общим законам, но у каждого отношений своя точка отсчета. Зоя уже знала, что, если ее новый знакомый будет просить о встрече, она ответит «да». Она очень быстро своей женской душой распозна-

ла мужской интерес, который вряд ли ограничится поверхностным знакомством. Точкой отсчета их романа была фраза Гранина: «Мы знакомы очень недолго, и я об этом очень сожалею». За этой не совсем правильно построенной фразой Зоя увидела сигнал. Она поняла, что продолжение зависит только от нее, что Гранин для себя почти все решил.

– Мне тоже жаль, что мы не встретились раньше, – сказала Зоя и грустно улыбнулась. Произнесла она это искренне. Ей так теперь хотелось забыть историю с Артуром. За остальное прошлое ей было и не больно, и не стыдно.

...Во всяких отношениях есть зависимый и зависящий. Есть ведомый и ведущий. В паре Абрикосова – Гранин произошло смещение привычной расстановки сил. Зоя всегда (кроме истории с Артуром) была ведомой. В нее всегда влюблялись, ей делали предложение, она капризничала, отказывала, но в повседневной жизни, в повседневных отношениях всегда находилась в подчинении. Выглядело это так. Например, ее приглашали на концерт. Зоя долго отнекивалась и долго выбирала, куда именно хотела бы сходить. Потом она привередничала с датой, потом вдруг все отменяла, опять погружалась в афишу, опять долго выбирала, но в конце концов шла туда, куда вел ее раздраженный этой тяготиной кавалер. И она шла, забыв о своей привередливости. Объяснение этой манере можно было дать только одно – Зоя добросовестно исполняла ритуал, а затем, отдав дань традициям, подчинялась. Впрочем, подчинение было

возможно только до тех пор, пока это не касалось Зоинной свободы. К вопросам замужества и постоянных отношений она подходила здраво и никогда не действовала в ущерб своим интересам. Исключением была, как уже говорилось, история с Артуром.

Капитан Гранин, а Зоя именно так про себя называла своего знакомого, покорила ее своей нерешительностью и покладистым характером. Зоя сразу отмела все тревоги в отношении возможной потери собственной независимости и при этом сразу же воспылала желанием упрочить свое положение при этом человеке.

– Ты с ума сошла. Он – женат. У него дети, – в один голос воскликнули Соня и Люда.

Подруги собрались на срочное совещание, как только узнали о происходящем. Как замужние дамы, они бдительно охраняли границы семейного очага.

– И что? – с вызовом произносила Зоя. Она как-то уже встречалась с несвободным человеком и никаких особых неудобств не испытывала.

– Пойми, тогда ты была моложе. Тогда от отношений тебе было нужно совсем другое. – Люда пыталась образумить Зою. Потому что вдруг представила, как такая рыжая бестия охмуряет ее наивного супруга.

– Да, да, не горячись. Подумай. Ты такая красивая, ты можешь выбирать. Зачем тебе такой груз? – Соня тоже отговаривала Зою от романа с женатым. И тоже представить не мог-

ла, что кто-то может увести отца ее детей.

– Всегда, во всех отношениях нужно одно и то же. В разных только вариациях, – резонно возражала Зоя.

– Да, только ты не двадцатилетняя барышня, – грустно напомнила Люда.

Это Зоя и так помнила, но совершенно не расстраивалась по этому поводу.

Их с Алексеем встречи сначала проходили в тишине физиотерапевтического отделения. Гранин исправно приходил на процедуры, Зоя лично им занималась.

– Если будет некомфортно, скажи обязательно, – наказывала Зоя строго.

Они незаметно перешли на «ты». После Алексей Александрович задерживался в ее кабинете. Он присаживался на кончик стула, рассказывал смешные истории из своей морской жизни, которая оказалась совсем короткой. «Капитанствовал» он чуть более года, а потом ушел работать чиновником.

– Отчего? – как-то удивилась Зоя. – Отчего ты не плавал дольше?

Гранин смутился, замолчал, словно споткнулся о что-то невидимое.

– Так, обстоятельства. Семейные, – наконец ответил Алексей.

Впервые за все время их знакомства он упомянул семью.

– Я не замужем, – Зоя посмотрела ему прямо в глаза, –

мне делали предложения, но я не решилась. Пока.

– Это удивительно, – расширил глаза Гранин, – мне казалось, любая женщина хочет как можно быстрее выйти замуж.

– Это только так кажется, – сказала Зоя просто. – Жизнь со времен наших родителей сильно изменилась. И поведение людей соответственно.

Их разговоры в ее кабинете были легкими и увлекательными – так люди открывают иные миры. Неизведанные, заманчивые, будоражащие воображение. Каждый изучал другого и сам старался как можно точнее сообщить свою «топографию».

Через две недели, когда курс лечения Гранина подошел к концу, Зоя, придя домой, достала из платяного шкафа три вечерних платья. Она их отгладила, приготовила три пары туфель в тон и три разных клатча. Она понимала, что именно сейчас ухаживание Гранина перейдет во вторую фазу. За свою взрослую самостоятельную жизнь Зоя очень хорошо изучила все этапы знакомства мужчины и женщины. Первый – начальный, когда обе стороны еще сомневаются, нужно ли продолжение. Это период долгих бесед, разговоров – смешных историй и анекдотов. Второй этап – решения приняты – продолжение вполне возможно. В это время ходят пить кофе, ужинать в ресторан, иногда в театр. Впрочем, театр и концерты – это почти семейный досуг. Пара на него решается, когда пройдены этапы первой близости и первых ссор. Делая последнюю процедуру Гранину, Зоя была гото-

ва к приглашению в ресторан. Она чувствовала волнение и нетерпение – ей хотелось окончательно покорить капитана. Зоя вспоминала, как раньше, давно, до Артура, за ней ухаживали мужчины – они водили ее в дорогие рестораны, а Зоя старательно готовила для этих выходов красивые платья и украшения. Были цветы и подарки, без которых не обходилась ни одна встреча. После ресторана ее провожали домой – с обязательной прогулкой по ночной Москве, с намеками и признаниями, от которых краснели ее аккуратные ушки. Но она была строга, непреклонна, и утром ей доставляли огромный букет белых роз и многозначительную записку: «Неприступной!» Мужчины, даже самые настойчивые и бесцеремонные, невольно подчинялись Зоиным принципам.

«Как давно этого не было в моей жизни!» – пришла к выводу Зоя. И уже придумывала фразу, которой даст согласие Гранину на ужин тет-а-тет. Но время шло, Гранин уже не приходил в поликлинику каждый день, уже не вели они разговоры за ее столом в ее кабинете. Уже не пили чай, который она заваривала тут же, рядом, на маленькой тумбочке.

Время шло, Гранин в поликлинике не появлялся, но теперь звонил каждый час и сообщал что-то вроде:

– Зоенька, я вот иду к метро и думаю о тебе. О твоих ручках, ножках, о твоей фигурке, такой аккуратной...

Зоя смущалась:

– Только без подробностей!

– Я не пошляк, – тут же пускался в объяснение Гранин, – я просто восхищен тобой и все время думаю о тебе.

– И что ты думаешь?

– Славно, что мы встретили друг друга. Представляешь, если бы не толкнул тебя тогда на крыльце?!

– Представляю! – откликнулась Зоя, и в груди у нее все замирало. Ей и в самом деле становилось страшно при мысли, что они бы не встретились.

– А еще я думаю, что ты самая красивая женщина, которую я встречал в своей жизни, – продолжал Гранин. – Ты – удивительная. Ты – не просто красавица, ты – сама жизнь, полнокровная, радостная, счастливая! Зоенька, ты – подарок судьбы!

– Да? – Зоя почему-то понижала голос до шепота. И ей казалось, что они рядом, что Гранин обнимает ее, что между ними уже что-то намного большее, чем просто знакомство двух симпатизирующих друг другу людей.

– Зоя! – раздавалось на том конце.

– Да? – выдыхала она.

– Зоя, я сейчас доеду до Речного вокзала и позвоню тебе. Ты будешь ждать?

– Конечно! – Зоя не могла не умилиться. Этот человек хотел слышать ее голос ежеминутно, ежесекундно.

Действительно, через минут двадцать опять звонил телефон, и она слышала полный отчет о том, как Гранин доехал до следующей станции.

– Зоя, я сейчас буду на совещании, – докладывал Гранин. – Не смогу звонить. Но как только оно закончится, сразу наберу.

– Хорошо, – опять умилялась Зоя.

– Я целую тебя, – со значением неслось из трубки.

Теперь день Зои Абрикосовой сопровождался незримым капитаном Граниным. Он интересовался, с каким настроением она проснулась, в чем пошла на работу, что будет обедать и какие у нее планы на вечер. Вот этот последний пункт Зоя всегда очень тщательно комментировала. В ее ответе звучала грусть, легкий намек на одиночество, на желание увидеть его. Но Гранин только нежно посмеивался и желал хорошего вечера. После работы Зоя теперь никуда не ходила, ни с кем не встречалась – она сидела дома, смотрела на свой мобильный телефон и перебирала в уме все многочисленные разговоры с прекрасным капитаном.

– Слушай, а самой позвонить слабо? Корона с макушки съедет? – как-то ехидно осведомилась Люда.

Зоя смутилась – не хотелось объяснять еще более странный момент их с Граниным отношений.

– Я тебе буду часто звонить, не волнуйся! – сказал как-то Гранин.

– Я не волнуюсь, я и сама тебе буду звонить, – улыбнулась Зоя.

– Да, но только с десяти утра до шести вечера, – горячо и торопливо объяснял Гранин. – Потом я могу и не ответить,

забегаюсь... И, кстати, у нас строго с этим в управлении, часто совещания – мне тоже будет ответить сложно. Лучше я сам буду звонить.

И он звонил. Каждые сорок минут, с разговором на полминуты, с ласковыми прозвищами, почти интимными комплиментами. И у Зои ни разу не возникло ощущения одиночества, чувства дефицита этого человека.

Через какое-то время Зоя собрала подруг на чаепитие.

– Я даже не знаю, он просто какой-то сумасшедший! – начала она издалека. – Он звонит мне каждые полчаса. Он заботится обо мне – интересуется, например, что я ела, не холодно ли оделась, не устала ли, как спала! – Зоя притворно хмурила брови, но из души рвалось ликование. Ни у одной из ее подруг не было такого! Они сами бегали за своими мужчинами, следили за их передвижениями, ревновали. А у нее... А у Зои такие светлые, такие чистые, такие человеческие отношения.

– Слушай, а еще что-нибудь, кроме разговоров, было? – Подруга Люда скептически скривила рот. Она, как известно, сексу большого значения не придавала, но и его полное отсутствие считала ненормальностью.

– Ну, конечно! Как же без этого?! А вот так, просто, влюбиться нельзя?!

– Можно, – пожала плечами Люда, – когда другое заказано.

– Ты на что намекаешь? – удивилась Зоя. – Что он – им-

потент?!

– Ответ в полном соответствии с учением о психоанализе, – рассмеялась Соня.

Но на самом деле, слушая Зою, рассказывающую о таких немодных нынче отношениях, Соня почувствовала зависть. Ее муж, не самый плохой, надо признаться, вообще не имел обыкновения звонить с работы. Соня сначала на это не обращала внимания. Если что-то надо было – звонила сама. Но сейчас она поняла, как ей не хватает этой мелочи, этой ерунды – беспричинного звонка среди белого дня и обычного вопроса: «Ну как ты там? В порядке?»

Зоя тем временем продолжала возмущаться:

– Нет, это вы обе намекали! Вы намекали на секс! На то, что его нет между нами! А я о нем даже не думаю! Я наслаждаюсь! Неторопливостью чувств! Всему свое время!

Так прошло еще несколько недель. Зоя и Гранин, казалось, слились душевно. Они захлеб обсуждали по телефону все, что нормальные пары при нормальных обстоятельствах выясняют во время личных встреч. В поликлинике обратили внимание на вечную Зоину беготню с телефоном в дальний угол коридора – там никто не мог услышать ее беседы. Вскоре Зоины подруги забыли, как она выглядит, и никогда не могли нормально поболтать с ней – Зоя всегда либо ждала телефонного звонка, либо разговаривала по телефону.

«Зойка, мы тебе звонили-звонили, но ты не берешь трубку. Мы уезжаем на эти длинные выходные. Сняли домик, по-

гуляем по зимнему лесу, шашлыки поедим! Если соберешься – вот тебе адрес. На машине очень близко!» – такое сообщение пришло ей накануне праздников. Зоя усмехнулась и с облегчением вздохнула. Она теперь совершенно спокойно сможет провести все праздники дома – никто никуда ее не потянет, не отвлечет от Гранина, от мыслей о нем, никто не будет тревожить ее сомнениями.

Но вышло все не очень хорошо – праздники были длинными, Алексей позвонил всего раз, чтобы сообщить, что он – молодец, пробежал двадцать километров на лыжах, а теперь растопил баню и собирается париться.

– Зоя, ты дома? Я тебе не помешал? Это хорошо, что дома, а то я волнуюсь и ревную! Зоенька, любимая, как я бы хотел тебя увидеть! Целую тебя, родная.

Зоя вдруг обозлилась – какая баня? Почему он ревнует?! Когда она – дома, а он в какой-то бане?!

В первый же рабочий день Зоя задала Гранину вопрос:

– Алексей, ты во сколько сегодня заканчиваешь работу?

– В семь! – отрапортовал тот.

– Отлично, и я сегодня могу раньше уйти! Может, зайдем поболтать куда-нибудь? Кофейку попьем?

– Обязательно! Обязательно! – тут же заворковал капитан. – Зоенька, ты бы знала, как я хочу тебя видеть! Как мне хочется посмотреть в твои зеленые глаза. Я ни у кого не видел таких!

– Перестань, глаза как глаза!

– Нет, это глаза – изумруды! Они колдовские! Зоя, я так счастлив, что ты у меня есть!

Зоя вспыхнула, в груди ее екнуло, и она прошептала:

– Леша, ты бы знал, как вовремя ты появился в моей жизни.

На этой элегической ноте разговор закончился. И то, что они так и не договорились о встрече, Зоя обнаружила только поздно вечером, когда взгляд упал на невообразимые вечерние платья. «Что это происходит?! Как это все понять?!» – Зоя задумчиво рассматривала бархат, в котором рассчитывала блистать в обществе капитана Гранина. В тот вечер она разозлилась еще больше – непонятное поведение мужчины беспокоило. «Завтра я не отвечу ему! Пусть знает!» – подумала Зоя, выпила валерьянки и легла спать.

Утром она решительно выключила звук у мобильного, чтобы ненароком не нарушить данное себе обещание. До работы она добиралась долго – Москва была в пробках. Подходя к двери своего кабинета, Зоя про себя усмехалась. Наверняка телефон пестрит сообщениями о неотвеченных звонках. А она даже не поведет бровью. Она целый день сегодня не будет разговаривать с Граниным. Пусть задумается наконец, что ему делать дальше!

Однако когда она вытащила телефон из сумки, никаких сообщений там не было. «Хм, ну ладно! Тем лучше! Терпеть не могу выяснять что-либо! Само образуется!» – подумала Зоя и приступила к работе. Но звук у телефона включила

на полную мощность. До обеда она посмотрела на телефон раз сто – звонков не было. После обеда она перезагрузила телефон, попросила помощницу Иру набрать ее номер:

– Ира, у меня, по-моему, телефон испортился! Набери-ка меня!

Телефон заорал как оглашенный.

– Все нормально у вас, Зоя Петровна.

«Сама вижу!» – подумала Зоя и зло швырнула карты больных.

– Ира, кто-нибудь, кроме меня, будет вносить данные в компьютер?! Вот, кроме меня и администрации, это кому-нибудь еще в нашем отделении надо?!

Ира внимательно посмотрела на заведующую и сочла за благо удалиться в регистратуру.

В половине четвертого Зоя набрала справочный номер своего телефонного оператора.

– Девушка, что это у нас сегодня со связью?! – с налету набросилась она.

– У нас нет никаких сбоев. И не было. Вы в каком районе находитесь?

– Арбат.

– Сейчас проверю. Может, у меня нет еще сведений.

В телефоне играла музыка, Зоя нервно ходила из угла в угол.

– Простите, – отменив музыку, произнесла девушка из справочной службы, – все в полном порядке. Сбоев не бы-

ло. Перезагрузите ваш телефон!

Зоя со злостью хлопнула рукой по столу.

Домой она уехала пораньше, сославшись на зубную боль. В машине она выключила музыку, а телефон положила на сиденье рядом, чтобы при первых же звуках ответить. Но телефон молчал. «Ах так! Ах так! Ну, посмотрим! Ты еще у меня запоешь! Врун, болтун! Слизняк! «Зоенька-Зоенька»! «Глазки, ротик»! Ненавижу!» – Зоя кое-как припарковала машину, хлопнула дверью квартиры и, не раздеваясь, упала на диван. Она поняла, что сдержать слезы не может. Она, так желавшая наказать Гранина молчанием, оказалась разбитой, уничтоженной, задохнувшейся без его звонков и разговоров. Она плакала, ругая и его, и себя.

Ровно в одиннадцать часов телефон нарушил обет молчания.

– Алле, Зоенька, Зоенька, родная, как ты там у меня?! Господи, девочка моя, как я волновался! Прости меня, не получилось позвонить! Потом все объясню! Ты в порядке?! – Голос Гранина звучал приглушенно.

Зоя, вздрогнув от долгожданного звонка и услышав голос Гранина, обмякла. Она слушала, что-то поддакивала, как-то отвечала, а про себя думала, что черт с ними, со встречами, все еще будет, все еще придет, пусть он только звонит ей, пусть называет ее Зоенькой, беспокоится о ней. Пусть Гранин будет рядом, на расстоянии телефонного звонка, а остального они дождутся. Пусть только звонит!

– Лешенька, у тебя все в порядке? – наконец произнесла она. – И я так волновалась! Я столько всего передумала! А что у тебя с голосом?! А у нас все хорошо? Ничего не изменилось?! Ты меня любишь?

– Зоенька, все хорошо! – явно сдерживая голос, уверял ее Гранин. – Все потом объясню! Как может быть что-то не так, когда ты у меня есть! Целую тебя, родная, обнимаю!

Гранин повесил трубку, а Зоя, быстро переодевшись в теплый халат и натянув на ноги толстые носки, свернулась калачиком под пледом и мгновенно уснула. Засыпала она женщиной, о которой заботятся, за которую волнуются, которую любят.

... – Может, он пьющий? В смысле, запойный? Ну, уходит в алкоголь, не показывается никому на глаза? – Подруги опять были вызваны на подмогу. Ситуацию с таким странным романом, который длился уже третий месяц, надо было как-то разъяснить.

– Да нет, не похоже. Но, Соня, три месяца разговаривать по телефону! Обо всем! Признаваться в любви, говорить почти непристойности, какие только любовники говорят друг другу, и при этом не встречаться! Я бы даже сказала, избегать встреч! Соня, что это значит? На пьющего он не похож, это точно! – Зоя отрицательно покачала головой.

– Мы тебя предупреждали. Странно все это! – начала было Люда, но Соня на нее шикнула:

– Знаешь, когда послушаешь, как мой Николай на кухне ворчит, ничего более странного уже в этом мире не найдешь. Зоя, все-таки, может, он пьет?!

– Да нет, вряд ли! – Зоя интенсивно замотала головой.

– Ну ты откуда знаешь?! Откуда? Он что предпочитает пить? Вот что он обычно заказывает себе в кафе? – Соня с видом детектива уставилась на Зою.

– Не знаю...

– Как – не знаешь? Ладно, ну что он ест? Ну как себя ведет? – Соня повернулась к подруге Люде: – Такие могут и маскироваться. Не выдавать себя. А пить дома. Но по поведению кое-что можно выяснить!

– Я ничего этого не знаю. – Зоя растерянно посмотрела на подруг.

– А что ты знаешь?

– Знаю, что эти платья висят тут три месяца. – Широким жестом обвела Зоя свои несчастные платья и заплакала. Так жалко ей стало и их, и себя. – Всё ждут, когда меня на чашку кофе пригласят...

– И? Не пригласили? – От удивления Соня выронила сигарету.

– Нет, – Зоя покачала головой.

– Понимаю, секс все затмил, – попыталась внести ясность Люда. – Вылезать из постели не хочется.

– Девочки, вы меня не слушаете! – вытирая слезы, воскликнула Зоя. – Мы не встречаемся! Мы по телефону раз-

говариваем!

– Не было секса у них. Ни разу. – Подруга Люда «сделала лицо».

– А что было тогда? – Соня прикурила следующую сигарету и подумала, что ее муж Николай хоть и грубиян, но от супружеских обязанностей не отлынивает. И вообще, не так все плохо у них, у Сони и Николая. Бедная Зоя с этим ее загадочным капитаном!

– Ну, так что было-то?! – наседала тем временем Люда.

– Разговоры. Две встречи в метро. На пять минут. Целовались.

– При этом, чтобы его увидеть, она неслась с работы на другой конец Москвы. Из-за пяти минут. – Люда pokrутила пальцем у виска.

– Да-а-а-а... – озадаченно протянула Соня, – это что же такое?

– Девочки, я не знаю, – укладывая мокрые бумажные платки в рядок, призналась Зоя. – Но я без него жить не могу. Понимаю, что ерунда. Что глупость. Или обман. Или еще что, но жить не могу. Мне надо, чтобы он был, звонил, разговаривал. Чтобы желал доброго утра и спокойной ночи, спрашивал, не забыла ли я зонт и в каких туфлях вышла на улицу. Я привыкла и без этого не могу.

– Зойка, это не очень нормально. Хотя и понятно. Мужики забыли, как разговаривать надо. Они же что – «привет, пока, бабки, смотаемся, заскочу». Они же разучились

говорить больше трех слов подряд. Так что тебя понять можно... – Соня вздохнула и как-то обреченно посмотрела на свое отражение в стеклянной дверце шкафа.

– Правда? – Зоя с надеждой посмотрела на Соню.

– Что ты ей голову морочишь! – Люда вскочила со стула. – Кто он, какая у него семья, чего он добивается? Ничего не известно! Может, аферист, заодно со своей семейкой. Зойка у нас богатая, с квартирой и шубами...

– И это не исключено. – Соня теперь уже внимательно и серьезно смотрела на подруг.

– И что мне делать?

– Так, пойдем самым неприличным путем, – решительно произнесла Соня, – я позвоню одному человечку и наведу об этом капитане справки. Он же военный?

– Я так и не поняла. Знаю, что капитан. В форме ходит. И командовал судном, которое называется «Морской».

– Корабль? – уточнила Соня.

– Да какая разница?!

– Тоже верно. – Соня не могла не согласиться. – Что еще знаешь?

– Почти ничего. Женат. Дети есть. – Зоя замялась. – Соня, неудобно о нем что-то там узнавать. Вроде бы я выслеживаю, вынюхиваю.

– Ну да. А попасть в лапы маньяка – удобно. И даже интересно, – Люда отмахнулась от Зои: – Соня, узнавай, что можно. Зойку мы не переделаем, она упрямая, будет страдать,

сколько сможет. Но хоть мы будем уверены, что это не криминал какой.

Пока Соня занималась неблагоприятным, по мнению Зои, делом, Гранин два раза назначал свидания. Но делал он это так странно, что ни одна из встреч не состоялась. Например, он утром позвонил Зое и сообщил:

– Любимая, я буду в районе Китай-города, там у нас встреча с руководством. Сколько будем заседать – не знаю. Но в пять я уже свободен. Скажи, у тебя там никаких дел нет?

«Ну, конечно, у заведующей физиотерапевтическим отделением, которое находится на Арбате, дел на Китай-городе просто полна коробочка!» – подумала с сарказмом Зоя, но вслух радостно воскликнула:

– Да, не волнуйся, я приеду пораньше и подожду тебя. Зайду в кафе и буду тебя к пяти ждать!

Назвав одно из симпатичных ей кафе, Зоя вдруг поняла, что ее восторг и готовность по поводу возможной встречи не очень приличны, и деловито добавила:

– Кстати, заодно в аптеку нашу на улицу Архипова зайду. Давно надо получить препараты. А то никак не соберусь. Как удачно все складывается.

– Да, дорогая, тогда я тебе позвоню, – вроде бы подтверждал встречу Гранин.

За оставшиеся до встречи четыре часа Зоя успела в парик-

махерскую, сделала маникюр и поставила набойки на туфли. Ровно в половине четвертого, оставив вместо себя Иру, она поехала на Китай-город. Там помотала себе нервы, пытаюсь поставить машину, потом долго ждала, пока освободится хоть столик в кафе, который она выбирала придирчиво – ей надо было, чтобы они с Граниным сидели в уюте и интиме. Чтобы не было ушей и глаз – все-таки у них свидание и так много надо сказать друг другу. Наконец она решила все проблемы, заказала чай и стала ждать звонка.

В пять никто не позвонил. В шесть тоже. В семь раздался один сигнал, Зоя увидела, что определенлся номер Гранина, но тут же послышались короткие гудки. Зоя по-прежнему Алексею не звонила, но сейчас решила нарушить правило. Набрал его номер, Зоя подождала секунду и услышала, что данный абонент недоступен. «Леша выключил телефон», – обреченно подумала она и стала собираться домой. Нельзя сказать, что она была в отчаянии от случившегося. В их странных отношениях было много чего удивительно-неприятного и непонятного. Сейчас, допивая холодный и горький чай, Зоя Абрикосова почувствовала только усталость. «Ладно, посмотрим, на сколько меня хватит. И еще послушаем Соню. Она же должна про него хоть что-то узнать!» – думала Зоя, пробираясь по забитому машинками центру.

Чем дольше Соня «занималась» Граниным, чем больше проходило времени, тем беспокойнее становилась Зоя. Толь-

ко сейчас она, человек, о котором, делая комплимент, англичане скажут, что он «full of common sense», то есть полон здравого смысла, только сейчас она поняла, что повелась на обычные слова. Что она даже не задумалась, что за ними может стоять. Что она не удосужилась сопоставить слова и поступки. Не подвергла сомнению ничего из того, что ей преподносилось. «А он что-то скрывает! Это точно! Он звонит в строго определенное время, говорит почти шепотом, он никогда не называет свое имя. Только – «это я». Словно боится чего-то. И еще. Почему он не отвечает на мои звонки? Ни разу он не ответил! Он перезванивает потом, чуть позже! Что это? Понятно, если это было дома – жена мешает. Но днем, на работе! Чем это объяснить?! Господи, да как меня угораздило! Почему я перестала думать головой!» – в отчаянии думала Зоя.

Чем ближе было возможное разоблачение, тем хуже становилось Абрикосовой. «Господи, какое счастье, что я не переспала с ним! Что я о нем знаю?! Ничего! Развесила уши, а там, кроме слов, – ничего. Думаю, что капитан он липовый. Разве можно командовать кораблем с таким голосом, такими манерами, почти ужимками. И собака его могла покусать просто так, а не спасал он никого! Абрикосова – ты идиотка! И тебе лучше вернуться к своей поэзии!» – ругала себя Зоя.

Через две недели позвонила Соня:

– Зойка, с тебя хорошее красное вино. Я принесу фрукты и конфеты. Людка кулебяку свою.

– Соня, не томи, – взмолилась измученная неизвестностью Зоя. – Скажи мне все по телефону!

– Обойдешься, – отрезала Соня в духе своего мужа. – Жди нас завтра вечером.

Зоя так волновалась, так боялась услышать приговор собственной сообразительности, наблюдательности и своему будущему, что даже взяла отгул. Она бродила в халате по дому, руки и ноги у нее были нервно холодные.

– Зоенька, ты как? Ты где? – Гранин привычно начал звонить с утра.

– Дома, у меня срочные документы по отделению. Я осталась поработать, – еле сдерживая себя, ответила Зоя.

Ей хотелось всего разом – и признаться, что она наводит о нем справки, и заручиться его уверениями, что она глупая, а он нормальный порядочный человек, и вместе с тем ей надо было сдерживаться – что бы ни сказала сегодня Соня, из этой истории Зоя должна выпутываться сама.

– Я буду целый день писать отчет. Не волнуйся, – произнесла она ровным голосом.

– Хорошо, позвоню вечером около шести, – на том конце были озадачены.

– Я целую тебя, – на всякий случай произнесла Зоя и отключила телефон.

Люда пришла раньше, Соня была пунктуальна.

– Ну, рассказывай, не томи! Я целый день на иголках! – торопливо усадив подруг за стол, призналась Зоя.

– Сейчас, только глоток сделаю. – Соня аппетитно выпила вина, обвела всех взглядом и голосом Эркюля Пуаро произнесла: – Он – невиновен. За ним нет ничего, что бы вызывало подозрение.

– Брось, – отмахнулась Люда, – ты по существу говори!

– А я по существу и говорю, – пожала плечами Соня. – Есть такой капитан Гранин Алексей Александрович. На хорошем счету, отлично ладит с коллегами. Голова светлая и не склочный. Немного тихоня, но за этим стоят способности и умение решать задачи. Это мне его начальник сам сказал. И добавил, что уйдет на пенсию, но перед этим добьется, чтобы именно Гранин занял его место. «Умен. Работает как зверь» – вот его слова.

– Вот! Вот! Я знала это! Знала! – запрыгала в кресле Зоя. – Я чувствовала! Я людей чувствую! Мне еще это Зубов говорил! Господи! Девочки! Соня, как я тебе благодарна! Я, понимаете, душой к нему припала...

– Зойка, успокойся. – Суровая Люда поморщилась при словосочетании «душой припала».

– Что?! Что тебе не нравится?! Ну, у нас такие отношения! Пока!

– Зоя, уже пятый месяц пошел «таких» отношений! – прокурорским голосом вернула Абрикосову на землю Люда.

– И что? В койку, что ли, сразу прыгать?! – Зоя кричала на подругу, а сама улыбалась. Ее Гранин был правильным, хорошим, умным и добрым. И собаку он спас, не побоялся

сунуться к бультерьеру в пасть...

– Да, мы правильно сделали, что навели справки. – Соня скромно заменила «я» на «мы».

– Конечно, теперь я это понимаю и очень вам, девочки, благодарна! – Зоя сияла.

– Правильно, потому что твой капитан категорически женат. Не просто женат, а категорически женат, – сказала Соня и налила себе еще вина.

– Но это не секрет, он сам сказал мне об этом, – легкомысленно отмахнулась Зоя.

– Он, скорее всего, не сказал, что его жена патологически ревнива, – отчеканила Соня. – Что из-за нее он ушел с корабля. И теперь работает «на суше». Он не сказал, что...

– Он не сказал, что патологически ревнивой женщину, как правило, делает мужчина. – Люда сурово посмотрела на Зою: – Видимо, у жены есть повод так ревновать мужа!

– Погоди, – Соня жестом остановила Люду, – там все очень сложно. Вы же понимаете, если об этих вещах знают на службе, значит, это действительно серьезно. И потом, они вместе работают. Только она в другом подразделении, или как это там у них называется. Его жена – не домашняя клуша. Она деловая, умная тетка. Но за него держится мертвой хваткой.

– Девочки, у многих мужчин есть жены и дети, – как сказочница, разведя руками, с улыбкой проговорила разругавшаяся Зоя. – И многие разводятся или имеют любовниц.

Девочки, что в этом такого удивительного или странного...

– Многие, но не все.

– Я все поняла, – глаза Зои вдруг наполнились слезами, – его жена болеет. Или дети... Что-то с детьми, и он не может бросить семью...

– С чего ты это взяла? – Соня уставилась на подругу.

– Ну, раз он не может развестись, значит, у него долг перед этими людьми...

– Рыцарь он, – с сарказмом произнесла Люда.

– Дура ты, Людка! – обиделась Зоя. Потому что именно так про Гранина она и думала. – Может, и рыцарь... Что из этого...

– Зоя, в этой семье, насколько я поняла, слава богу, все здоровы и благополучны, – пристально глядя на Зою, проговорила Соня. – Но отношения у них вот такие, какие я описала... Тогда, когда он служил на судне, у него случился роман с кем-то из сотрудниц. Слушай, я не знаю подробностей, меня в них не посвятили, а уточнять, сама понимаешь, не очень красиво. Жена писала начальству, там был скандал. Гранин подал рапорт, ушел с корабля, но остался в семье.

– Я и не знала, что в наши дни такое возможно... – растерянно произнесла Зоя.

– Видимо, возможно. Они – военные люди. Дисциплина. – Соня улыбнулась. – Зоя, теперь тебе решать, что делать дальше. А мы, успокоенные, что тебя не похитит маньяк, можем дальше заниматься своими делами.

Подруги ушли, а Зоя в одиночестве допила вино, доела сыр, конфеты и всю кулебяку. После пережитого в последние две недели и в этот вечер аппетит у нее был отменный. Потом она наконец спрятала в шкаф вечерние платья и туфли – все эти месяцы, несмотря ни на какие уборки, эти вещи висели на виду, словно символ, примета, оберег. Наведя порядок, Зоя приняла душ, пренебрегла обычной косметической маской и, едва укрывшись одеялом, заснула крепким сном. Она уже точно знала, как ей следует поступать в ближайшем будущем.

Зоя все поняла про человека, с которым свел ее случай. Это был хороший, умный, добрый и работающий человек. Он читал интересные книги и многое знал. Он повидал мир, сделал карьеру. Он любил жизнь, которую любят мужчины, – с красивыми женщинами, интересной и трудной работой, с разнообразными увлечениями, с вкусной едой и напитками. Он любил жизнь, как любят ее мужчины – с обязательной свободой. И как раз именно этого ему досталось меньше всего! У Гранина не было свободы, а как бороться за нее, он не знал, да и уже не всегда понимал, нужна ли она ему. И было ли дело в мягкости характера Алексея, в его жалости к тем, кто его окружал, в совестливости или еще в чем, только этой свободы ему не досталось. Гранин был «категорически женат», как выразилась Соня. Он был сугубый семьянин, который одной своей половиной рвался к свободе, в то время как другая его половина делала вид, что не знает,

что для этого надо предпринять.

Зоя все это поняла почти мгновенно, почти сразу, как услышала от Сони историю своего капитана. «Что ж. Значит, моя жизнь будет другой. Без вечерних платьев и ресторанов. Без ужинов, цветов и лимузинов. Без сумасшедших полетов на другой край света – я же понимаю, что от семейного бюджета такие деньги отрывать нельзя. Моя жизнь станет иной – с разговорами по телефону, мимолетными встречами в метро, со свежей булочкой и яблоком или бутербродом на бегу вместо шикарного обеда. Моя жизнь будет со свиданиями, по которым тоскуешь неделями и которые длятся час, не больше. Я готова к этой жизни, а что из нее получится, я загадывать не стану. И я готова к тому, что эту жизнь выстраивать придется только мне!»

Зоя понимала, что если она желает иметь эти отношения, то ей придется самой их организовывать, придется терпеть неудобства, придется подстраиваться не под одну жизнь – самого Гранина, а под жизнь всей его большой семьи. Зоя, как обычно невпопад, вспомнила Артура и рассмеялась про себя – этих мужчин даже нельзя было сравнить – скованный по рукам и ногам обязательствами Гранин, при полном отсутствии времени на свою любовь, казался образцом верности.

На следующее утро ровно в десять Гранин поинтересовался, что она ела на завтрак, тепло ли оделась и не забыла ли зонт. Жизнь вернулась в уже привычное русло.

В окно машины постучали. Зоя испуганно оглянулась, натянула на себя футболку и пригладила растрепавшиеся волосы.

– Леш, это полиция!

Гранин застегивал рубашку и пытался натянуть китель.

– Плохо, что полиция, сейчас придется удостоверение показывать...

Если бы Зоя сама не испугалась и не смутилась, она бы точно разозлилась только от одного вида своего любовника. Его краснощекое лицо покрылось еще большим румянцем, на лбу выступили капельки пота. Впрочем, пот мог появиться и по другим причинам – только что они с Зоей занимались любовью. Ее небольшая машина совсем не была приспособлена для подобных упражнений – в ней было тесно, неудобно, и Зоя так и не поняла, получает ли она удовольствие от подобных встреч. Но раз за разом это повторялось, и теперь уже, когда Гранин звонил ей и говорил, что какое-то время будет в том или ином районе, она бросала работу и ехала к нему. «Господи, будто бы нам по двадцать лет!» – восклицала она про себя, но в душе где-то ныла обида. Да, у них нет времени на рестораны, кино, прогулки и жаркие ночи, но час-другой для встречи у нее дома, в нормальной обстановке, не боясь себе сломать шею и быть застуканными любопытными гражданами, – почему даже этого они не имеют?!

Наконец Гранин привел себя в порядок и вылез из машины. Он о чем-то долго говорил с полицейскими, они, в свою очередь, что-то доказывали ему, указывая жезлом на машину, в которой сидела испуганная и смущенная Зоя. «Ну что они прицепились к нам?! Здесь же никого нет, никому мы не мешаем!» – Зоя уже приготовилась вылезти из машины и со свойственной ей решительностью отстаивать свое право на личную жизнь, но в это время Гранин как-то вяло махнул рукой и направился к машине. Извиняющимся голосом он спросил:

– Зоенька, у тебя деньги есть? Ну, какие-нибудь?

Зоя вытащила из сумки несколько тысяч.

– Думаю, что пары хватит за глаза. На обед ребятам. – Гранин забрал деньги и удалился к полицейским.

Через пять минут Зоя и Гранин остались одни.

– Зоя, я тебе деньги отдам. У меня были, но велели зайти за продуктами. Сама понимаешь...

Зоя промолчала – она уже все знала про жизнь Гранина. Более того, ей казалось, что она сама живет в этом полусумасшедшем доме. Жена Гранину звонила каждый час – немногим реже, чем сам Гранин звонил Зое. Она что-то спрашивала, а Алексей Александрович бодрым тоном рапортовал. Потом жена замолкала. Зоя про себя усмехалась – и так было понятно, что жена прислушивается к звукам, которые окружают ее мужа. Потом в телефоне, видимо, говорили что-то интимное, потому что Гранин, кося глазом, отвечал:

«Я тоже. И я. Да, конечно. Мне не очень удобно. Да, целую, конечно, целую». Впервые это услышав, Зоя рассвирепела, но у Гранина был такой бедный, не жалкий, а бедный вид, что она махнула рукой:

– Леш, делай, как считаешь нужным!

Зоя поняла, что если она хочет видеть Гранина, то должна смириться и с этим. А видеть она его хотела. И слышать хотела. И посидеть с ним в машине, в его объятиях, даже не целуясь, а просто вдыхая запах его одеколона, ощущать чуть колючую шею, где остались недобритые волосы, – всего этого очень хотелось. Все это было ей очень нужно.

– Зойка, ты нормальная? – напрямую спросила Люда, узнав обо всем этом.

– Я уже и не знаю, – ответила Зоя тихо, а Люда поняла, что Зоя нормальнее нормальных, она просто влюбилась в этого человека, со всеми ЕГО потрохами. Зоя нормальная, ей очень нужен был человек, который помнил о ней каждую минуту, ибо не станет мужчина просто так звонить каждые полчаса и узнавать о самочувствии, шутить милые шутки и заскакивать к ней на работу, только чтобы угостить ее шоколадкой. Он был нужен Зое Абрикосовой с его этой странной, ущербной на первый взгляд любовью и с его привязанностью несвободного и нерешительного человека...

– Мне так перед тобой неудобно, – произнес тихо Гранин, когда полицейская машина скрылась из виду.

– Ерунда, Алеша, – улыбнулась Зоя. – Это не самое страш-

ное, что могло с нами случиться.

– А что? – вздрогнул Гранин. – Что самое страшное?

– То, что подобные моменты нас могут разлучить, – ответила Зоя. – Ну, знаешь, как бывает – тебе станет стыдно, и ты будешь сторониться меня.

– Или тебе стыдно за меня, ты не захочешь меня видеть... – продолжил Гранин.

– Вот-вот, а потому мы забываем эту историю, как будто бы ее не было...

– Вот только я тебе две тысячи отдам, и сразу забудем, – кивнул Гранин.

– Хорошо. Сразу забудем. Но я тебе хочу сказать другое. Теперь мы будем встречаться у меня дома. Давай подумаем, как это устроить. Надо, чтобы у тебя было алиби, – деловито и хитро улыбнулась Зоя. – Надо, чтобы хотя бы два раза в неделю у нас было с тобой личное время.

– Давай, – кивнул растерянно Гранин. А потом добавил: – Тебе, наверное, со мной очень тяжело. – И вздохнул, точно ожидая приговора.

Зоя, которая в душе злилась из-за всего, что сейчас произошло, вдруг растрогалась. Этот мужчина оказался таким эгоистичным недотепой, что сердиться на него не было никакой возможности. Можно было только брать эту жизнь в свои руки и переделывать ее. Насколько возможно.

– Ужасно мне с тобой, просто ужасно! Поэтому я и хочу тебя затащить к себе в дом! – призналась Зоя и уткнулась

Гранину в плечо.

Алиби, как и следовало ожидать, придумала Зоя:

– Ты будешь на процедурах.

– Каких, Зоенька?!

– Тебя бультерьер кусал? Или ты все выдумал?

– Зоя! Как ты можешь?! У меня же в карте все написано!

Мне укол сделали от бешенства! И не один!

– То-то же! Значит, ты завтра же сходишь к врачу, и он тебе выпишет двадцать процедур, которые ты должен будешь проходить по графику. А график этот тебе составят в физиотерапевтическом кабинете.

Гранин посмотрел на улыбающуюся Зою.

– Ты – колдунья, – сказал он, покачав головой. – Умная и сообразительная колдунья!

Зоя хотела заметить, что у нее нет другого выбора, но промолчала.

– Согласна, колдунья, – после долгой паузы сказала она. – Только ты завтра же должен быть в поликлинике. Я уже записала тебя. Жалобы у тебя будут на боль. Да-да, скажешь, что болит в тех местах, где шрамы. А еще имеются зуд и покраснения.

– Но у меня ничего не болит!

– Гранин, не притворяйся наивным. Не люблю, – отрезала Зоя.

Алексей Александрович понял, что лучше подчиниться

женщине. И он подчинился. Результатом этого оказался обширный список физиопроцедур, которые надо было немедленно пройти.

– Предупреди всех, что по мобильному телефону разговаривать во время сеансов нельзя, так что пусть никто не звонит. Это – во-первых. Во-вторых, я сама тебе отмечу процедуры, – генеральским тоном командовала Зоя. – Как будто бы ты их прошел. Именно в те дни, когда мы будем встречаться.

– Зоя, это слишком! Никто не будет проверять...

– Будут, еще как будут. – Зоя знала, о чем говорила. Она давно поняла, что Гранин, работающий в одной организации, в одном здании со своей женой, находится «под колпаком». Она уже давно заметила это полное отсутствие денег – чтобы не было возможности за кем-то приударить, подарить цветы, даже угостить кофе. Она давно уже обратила внимание, что одевается Гранин более чем скромно – дабы никто не обратил на него внимания. Только в морской форме невозможно было скрыть, насколько он хорош собой. Форма как бы подчеркивала то, что серенький цивильный костюм ретушировал. Зоя знала, что у Гранина есть большая дорогая машина, но он никогда на ней не ездил. Он всегда передвигался по городу на метро. Только с работы и на работу он ездил на ней. Вернее, они с женой ездили на этой машине. «Тоже понятно, в машине можно заниматься любовью – это я уже точно знаю!» – усмехалась Зоя. Она давно поняла,

что шоколадки и апельсинки, которые иногда подкидывает ей ее возлюбленный, – это не что иное, как взятое из дома якобы для себя. Однажды Гранин угостил ее моцартовским марципаном. Он достал его из кармана рубашки чуть подтаявшим и чуть смятым.

– Вот, сегодня утром из банки вытащил, – смущенно признался он, точно первоклассник. – Мы, когда в Австрию ездили, купили.

Зоя съела теплую конфету, раздвинула губы в благодарной улыбке и призадумалась – ситуацию надо было срочно спасать. Еще одно такое подношение, и вместо растроганности в ее душе появится жалость.

– Слушай, Леш, а чем ты занимаешься вообще? – как бы невзначай спросила она.

– Ну, как тебе сказать... – неохотно принялся объяснять Гранин. – У меня свой отдел, мы занимаемся наладкой оборудования разного, в том числе и компьютерного. Понимаешь, у нас же огромное количество служб, мы их технически поддерживаем.

– Понятно. – Зоя закусила губу.

Через пять дней она вернулась к этому разговору:

– Ты можешь мне помочь?

– Конечно, конечно. – Гранин обожал помогать. Даже если его об этом не просили.

– Не совсем мне лично. Поликлинике. У нас там компьютеры, они в сети, ну то есть объединены между собой.

Так вот, у них что-то с обменом информацией.

– Ну, надо посмотреть...

– Слушай, там дело деликатное, – тут же взяла его в оборот Зоя. – Наш технический директор не хочет, чтобы до руководства дошли слухи о проблемах. Так что ты к нему подойди тихо, тихо сделай, а деньги он тебе заплатит наличными.

– Нет, Зоя, так не годится, – замотал головой Гранин. – Надо договор заключить. Мы, кстати, по договорам работаем, и нам хорошо платят.

«Ну да, и эти деньги забирает твоя жена, даже на обед не оставляет, бутербродами выдает!» – подумала про себя Зоя, а вслух добавила:

– Леша, это я тебя прошу. Мне это больше всех надо, и я сама уже обещала техническому директору. И потом, деньги тебе не помешают. Мне надо купить одни духи, помнишь, я тебе о них говорила. Это новинка, очень дорогая.

Гранин растерянно пожал плечами, ничего не вспомнил про духи и... согласился.

– Там такая ерунда, что даже стыдно деньги было брать, – сказал он потом, когда работа была сделана, а деньги получены.

– Ну, если он заплатил, значит, было за что, – усмехнулась Зоя. – Наш технический директор лишней копейки не потратит.

– Ну, если так... – Гранин достал купюры, – вот...

– Что ты мне их даешь? – чуть не подпрыгнула взбешенная его растяпистостью Зоя. – Мы вечером в магазин заедем за духами, ты там эти деньги в кассу отдашь. Расплатишься. Понимаешь?

Вечером они все-таки исхитрились и заехали в магазин. И купили дорогие духи. И Зоя на глазах продавщиц громко поцеловала Гранина. И тут же вскрыла эти духи и подушилась.

– Господи! Какой дорогой запах! Спасибо, Лешенька!

Гранин, который растерялся от непривычного амплуа, только покраснел.

– Зоя, пожалуйста, если тебе нравится... Слушай, тут еще деньги остались, возьми, может, что надо...

– Гранин! Ты с ума сошел, деньги мне совать?! За кого ты меня принимаешь?! Хочешь приятное сделать – подарки дари! – Только торжество от первой победы помешало Зое отругать столь недогадливого мужика. – Купи шампанское, конфеты, а ты мне деньги в сумочку суешь!

– Да нет, я же хотел как лучше... – промямлил Гранин, пряча деньги.

«Боже, до чего же бабы мужиков довели! Вот что ей, жене, стоило хоть пять тысяч ему оставлять от зарплаты? Ведь все равно изменяет. Все равно не спасла ее эта идиотская бабья перестраховочная жадность!» – думала Зоя, вдыхая запах духов, которые у нее уже давным-давно были. И стояли спрятанные подальше, на тот случай, если Гранин будет в го-

стях. Ей надо было научить Алексея Александровича ухаживать, уметь тратить, а самое главное, желать зарабатывать!

– Слушай, а как у него с другими женщинами было? – На подругу Люду произвела впечатление история Зоиноного протезирования. – Понимаешь, у него же были женщины, он же ухаживал, может быть, даже именно так, как за тобой. Скорее всего, именно так, другой возможности у него нет – жена караулит.

– Ну, скорее всего, да, так и ухаживал, – подтвердила Зоя. Ей были неприятны эти рассуждения о возможных предыдущих связях. Ей хотелось, чтобы ее история была оригиналом.

– Так вот, как они реагировали на все эти яблочки и конфетки из кармана? – не унималась Люда. – А вообще, я думаю, что дело не в подарках, дело в умении мужчины быть предприимчивым, деятельным. В вашей истории деятельная ты – ты нащупала выход из щекотливой ситуации и подтолкнула к нему своего капитана. А те, остальные женщины? Как они реагировали на это?

– Может, довольствовались тем, что он предлагал. И потом, смотря что им нужно было от него... – Зоя улыбнулась.

– Дорогая, он ничего не может предложить. Вообще. Времени у него нет, денег нет. А на что еще может претендовать женщина?

– На душевность. Мне очень помогли его разговоры. Его участие. – Зоя вспомнила начало романа с Граниным.

– Согласна. Это нужно нам. Но очень быстро становится недостаточным. Все-таки время – главное свидетельство любви, – задумчиво произнесла Люда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.